

Рынок и государство в контексте европейской социал-демократии. Прогрессивные точки зрения на разработку социальной и преемственной модели рынка

■ Глобальный финансово-экономический кризис выявляет не только недостаточность и опасность неограниченного рыночного либерализма как политической идеологии и экономической теории. Он маркирует также и поворотный пункт в развитии программных концептов европейской социал-демократии. Третий Путь в качестве попытки дать социал-демократии новую концептуальную ориентацию с акцентом на преимущества рыночного либерализма в условиях глобализации на практике оказался ущербным.

■ Фонд им. Фридриха Эберта желал бы внести свой вклад в программно-целевую разработку европейской модели рынка, сочетающей в себе социальную справедливость и солидарность с экономической динамикой, модернизацией общества и экологической преемственностью. Поэтому в данной публикации представлены различные внутриевропейские точки зрения, а также одна восточноазиатская «внешняя перспектива», которые ярко иллюстрируют разные измерения новой дефиниции взаимоотношения между рынком и государством.

■ В этой связи центральными для новой концепции взаимосвязей рынка и государства являются три сферы: сохранение социального государства и общественной спаянности, базовое понимание «активного государства», а также разработка новой социоэкономической парадигмы XXI-го столетия, которая отделяет концепт общественного прогресса от традиционного понятия экономического роста.

Декабрь 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Кристоф Польманн и Анке Гассель

Рынок и государство в контексте европейской социал-демократии:

Контурь прогрессивной экономической и социальной политики для XXI-го столетия . . . 3

Карлос Мулас-Гранадос

От «Третьего пути» к «пути преемственности»:

Новая парадигма для прогрессивной политики в послекризисный период 7

Лоран Баумель

Рынок и государство: Французский ракурс 11

Лена Зоммештад

Экономика преемственного развития – прогрессивная альтернатива неолиберализму

в XXI столетии 15

Тибор Дешеффи и Габор Гиори

Государство и рыночная экономика после глобального финансового и экономического

кризиса – Взгляд из Венгрии 20

Марк Уикхем-Джонс

Рынок и государство: Взгляд из Великобритании 25

Ханнес В. Мослер

«Внешняя перспектива»: Рынок, государство и гражданское общество

в Южной Корее и Японии 32

РЫНОК И ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ: КОНТУРЫ ПРОГРЕССИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ XXI-ГО СТОЛЕТИЯ

Кристоф Польшманн и Анке Гассель

Глобальный финансово-экономический кризис и Третий Путь

Глобальный финансово-экономический кризис выявляет не только некомпетентность и опасность неограниченного рыночного либерализма как политической идеологии и экономической теории. Он маркирует также и поворотный пункт в развитии программных концептов европейской социал-демократии. Вне всякого сомнения, с наступлением экономического и финансового кризиса попытка ведущих европейских социал-демократов придать социал-демократическому движению новую концептуальную ориентацию в виде Третьего Пути с акцентом на преимущества рыночного либерализма в условиях глобализации завела в тупик (смотри: Мулас-Грандос и Зоммештад). Зоммештад подчёркивает, что Третий Путь с его фиксацией на «новой середине» понимал модернизацию чересчур односторонне как экономическую либерализацию и тем самым весьма опрометчиво акцептировал стержневые аргументы неолиберальной стороны.¹ Примерами тому являются отречение от общественной собственности в виде приватизации и дерегулирования с надеждой на выигрыш в экономической эффективности за счёт рыночных способов организации, фокусирование на равенстве шансов с пренебрежением общественной справедливостью распределения или переход от систем социального страхования на элементы минимальной помощи с отказом от солидарного принципа.

Экономический и финансовый кризис возымел действие своего рода катализатора для переоценки взаимоотношения между рынком и государством, активизировав государство в качестве гаранта экономического и социального порядка. Во всём мире постиндустриальные государства справились с этой задачей и пошли во имя этой цели на массивное увеличение государственной задолженности. Одновременно с этим — что оказалось для некоторых наблюдателей парадоксальным — экономический кризис ещё более ускорил политический кризис европейской социал-демократии, вследствие чего социал-демократические партии потеряли голоса своих избирателей, как справа, так и слева. Стало очевидным, что курс экономического и социально-политического прагматизма европейской социал-

демократии не может убедить ни разочарованных, относительно часто менее обеспеченных в материальном плане людей из нижних слоёв общества, ни большинство прогрессивно думающих избирателей из средних слоёв.

Таким образом, европейская социал-демократия по-прежнему стоит перед задачей разработки внутренне непротиворечивой программно-целевой модели, противопоставимой рыночному либерализму. Тем не менее, Третий Путь был попыткой в этом направлении, за которой с тех пор не последовало никакого аналогичного усилия. Контрпроект должен стать в достаточной степени конкретным, чтобы получить возможность применимости в практической, ориентированной на будущее политике, как в различных национальных контекстах, так и на супранациональном уровне.

«Среди вопросов, стоящих на повестке дня обновления, вопрос взаимосвязи рынка и государства является для новой дефиниции идентичности сегодняшних левых крайне весомым», — пишет Лоран Баумель, рассматривая тему во французской перспективе.

Эта мысль верна также и при взгляде на разногласия с неолиберализмом, который по сути занимается взаимоотношением между рынком и государством. Комментарии социал-демократически ориентированных интеллектуалов с разными национальными точками зрения на проблему, представленные в данной публикации, имеют некоторую общность в отношении дальнейшей разработки социал-демократических программных целей. Вместе с тем, они иллюстрируют также и концептуальный процесс поиска, в состоянии которого по-прежнему находится европейская социал-демократия.

Различные перспективы комментариев фокусируются на трёх сферах, имеющих особое значение для развития прогрессивной экономической и социальной политики социал-демократии с новым определением взаимосвязи между рынком и государством: на сохранении социального государства

1 Для дифференцированного взгляда на Третий путь и на фактическое влияние этого политического подхода внутри новой Лейбористской партии (New Labour) в Великобритании сравни: комментарий Марка Уикхема-Джонса в настоящем сборнике.

и спаянности общества, на принципиальном понимании активного государства, а также на разработке новой социоэкономической парадигмы XXI-го столетия, которая отделяет концепт общественного прогресса от традиционного понятия экономического роста.

Сохранение социального государства и спаянности общества

Социальное государство западноевропейского типа – несмотря на его национальные различия – является достижением цивилизации и существенным вкладом в социально толерантное регулирование рыночной экономики. Такое государство было завоёвано политическим путём, прежде всего, социал-демократами и профсоюзами и, несмотря на растущее общественное неравенство, существенно способствует обеспечению социального мира в западноевропейских обществах. Это вновь проявилось в период финансово-хозяйственного кризиса. С другой стороны, социальное государство за последние 30 лет всё сильнее оказывалось под давлением, в первую очередь, со стороны демографического развития (пенсионная система и система здравоохранения) и значительного изменения рынков труда на европейском и глобальном уровнях (перенесение мест дислокации промышленного производства, развитие экономики предоставления услуг и участие женщин в трудовой деятельности). Реакция на это выражалась большей частью в – более или менее решительном – применении либерально-рыночных политических предложений: приватизации общественной собственности, ограничения содержания объёма систем социального страхования в пользу дополнительного частного страхования, а также замораживания заработной платы. Одновременно с этим значительно возросло общественное неравенство по доходам и собственности.

Такие эволюции, однако, не продиктованы неизбежным ходом событий, а являются следствием политических решений. Точно так же они могут быть тоже модифицированы и, по меньшей мере, в целом для всего общества более справедливо распределить бремя. Социал-демократия имеет возможность позиционировать себя как такая политическая сила, которая наступательно защищает социальные достижения и тем самым выступает за общественную спаянность. Экономизация всех областей жизни – как общественных, так и частных – всё больше воспринимается как наболевшая проблема также и по той причине, что услуги частных лиц часто не соответствуют ожиданиям. Это касается и

элементов системы обеспечения существования, и покрываемых капиталом страховых услуг. Финансовый и экономический кризис предоставляет социал-демократам, профсоюзам и солидарному гражданскому обществу шанс, выдвинуть на первый план ценность общественной спаянности, а также нерыночно организованных сфер жизни.

Активное государство

Экономический и финансовый кризис заставил государство предпринять обширное вмешательство в экономику. Государство было активизировано против его воли. В ближайшие годы речь будет идти о дальнейшем развитии этой новой роли государства применительно к рынку. Для социал-демократии роль нового «активного государства»² имеет особое значение в трёх политических полях: в социальной политике, в политике в сфере предпринимательства, а также в процессе регулирования рынков.

Активное государство в социальной политике

Свободная и глобально разветвлённая рыночная экономика и открытое современное общество продолжают динамично развиваться. Соответственно и социальная политика в социально ориентированной рыночной экономике постоянно находится перед вызовом, суть которого заключается в том, что она должна подстраиваться к изменяющейся социоэкономической реальности. В 1980-х и 1990-х годах – то есть после временного пика социал-демократических реформ 70-х годов – выяснилось, что западноевропейские социальные системы, несмотря на возрастающие социальные затраты, не могут воспрепятствовать ни массовой безработице, ни общественной изоляции индивидумов. Проблемы эффективности социального государства, слишком ориентированного на содержание граждан и перераспределение доходов, наоборот оказались незащищёнными воротами для ущемления и приватизации социально-государственных достижений неолиберальной стороной.

Активное социальное государство должно поэтому в первую очередь делать ставку на способствующие параметры социальной политики. Здесь есть возможность привязки к концепции дальновидного

2 Понятием «активное государство» мы соотносим с аналогичными предложениями Эрнста Хиллебранда (Hillebrand 2009), а также Патрика Дамэнды и Роджера Лидла (Diamond / Liddle 2010).

социального государства (Vorsorgender Sozialstaat). В основе этого подхода лежит широкое понимание социальной политики, которое предполагает, прежде всего, проведение образовательной политики, начиная с дошкольного и – через школьное и профессиональное – вплоть до университетского образования и повышения профессиональной квалификации, как ключ к предоставлению возможно большему количеству членов общества способности самостоятельно строить свою жизнь. Однако недостаточно было бы фокусировать внимание только на самом образовании: речь идёт равным образом как о лучшей совместимости интересов семьи и профессии, так и о предоставлении рабочих мест соответственно возрасту, об активной политике на рынке труда, которая больше способствует, чем просто лишь требует, а также о гарантировании общедоступной системы обеспечения существования.

Для содержания социального государства неотъемлемой является поддержка со стороны широких средних слоёв общества. Услуги государства не должны ограничиваться преодолением бедности, а предоставлять возможность широкого доступа к ним со стороны всего социума. Граждане готовы финансировать государство всеобщего благосостояния, если они сами пользуются этими услугами и если государство всеобщего благосостояния станет эффективным по отношению ко всему обществу. Также и поэтому следует препятствовать прочному укоренению «нового низшего слоя», который не участвует в общественном прогрессе (сравни: Гиори/ Дешеффи). Здесь необходимо находить наступательно активизирующие элементы со стороны государства в сотрудничестве, например, с благотворительными союзами или частными фондами и инициативами.

В целом в XXI-м столетии всё сильнее будет утверждаться тенденция предоставления возможно большему количеству людей доступа к разнообразным достижениям информационного общества. Активная социальная политика через функционирующие коллективные системы гарантий и предоставления возможностей способствует самостоятельному устройству жизни каждой отдельной личностью.

Активное государство в промышленной и секторной политике

Потенциально рынок является наиболее эффективным аллокационным механизмом, однако нуждается в управлении, так как он не регулируется сам по себе. С одной стороны, активному государству надлежит решать задачу обеспечения равных конкурентных условий предложения для предпринимательских структур (сравни: Baume

2010). Сюда также относятся постоянные публичные инвестиции в инфраструктуру. С другой стороны, государство должно непременно выступать как активный игрок в хозяйственных процессах, который через механизмы стимулирования и санкционирования не только гарантирует добросовестную конкуренцию, но и участвует в формировании будущих мегатенденций (сравни: статьи Баумеля, Гиори/ Дешеффи и Мулас-Грандоса). Примерами являются поощрение экотехнологий или мероприятий по повышению энергоэффективности, а также расширение спектра высококачественных услуг, прежде всего, в сфере здравоохранения, в т.ч. лечения и ухода за больными. Активная социал-демократическая экономическая политика должна при этом ясно идентифицировать свою главную ориентацию на реальную экономику в сравнении с экономикой финансов и усиливать их – также и путём соответственно целенаправленного налогообложения. Это важно, прежде всего, для среднего класса. Односторонняя направленность экономической политики на финансовые услуги и финансовое предпринимательство так, как это делалось в Великобритании, не может служить образцом для обновлённой социал-демократической экономической политики в Европе.

Активное государство в регулировании глобального финансового капитализма

Колоссальное повышение значимости глобального финансового хозяйства по сравнению с реальной экономикой является, по меньшей мере, таким же результатом неудачи государства, как и результатом сбоя рыночных механизмов. В конечном итоге, именно политические решения последовательного дерегулирования финансовых рынков, а также предоставления ликвидности, сделали возможным распространения высокоспекулятивных финансовых сделок, стремление к завышенной доходности ценных бумаг, а также образование спекулятивных пузырей. Здесь для социал-демократии открывается не только важное поле для позиционирования, ей предстоит также взять ответственность исправления ошибочных решений предыдущих лет. Регулированием финансового капитализма необходимо управлять на европейском и глобальном уровне, при условии, что оно также станет конструктивной задачей для международной социал-демократии (сравни: Гиори/ Дешеффи). Кроме того, здесь открывается важная отправная точка для проработки таких глобальных вопро-

сов, как изменение климата, бедность и низкий уровень развития. Так, через обложение налогом финансовых транзакций можно было бы внести существенный вклад в построение систем социальной защиты и для финансирования мероприятий против изменения климата в развивающихся странах (сравни: Busch 2009).

Преемственность как социоэкономическая парадигма XXI-го столетия

Неолиберализм возобладавал в научно-экономических и политико-идеологических дебатах, так как после краха реально существовавшего социализма предложил логичное толкование глобализации (сравни: Зоммештад). И не только это: он ещё и предоставил политическую программу реформ и адаптации. Доминирование неолиберализма было настолько сильным, что социал-демократия во всём мире присоединилась к его основным постулатам и попыталась за счёт Третьего Пути, примирить его с основными социал-демократическими ценностями. Европейская социал-демократия только тогда сможет что-либо противопоставить в дискурсе новоформирующемуся рыночному либерализму, если она разработает свою собственную социоэкономическую парадигму XXI-го столетия. Эта парадигма должна предложить объяснение экономических, социальных и экологических вызовов глобализирующегося мира, а также одновременно предоставить возможность формирования соответствующих конкретных политик.

Такая парадигма могла бы заключаться в комплексном понятии преемственности, как его представил Карлос Мулас-Грандос в испанской перспективе: «Этот новый «путь преемственности» социал-демократического дискурса должен выразительно развить социоэкономическую модель, преемственную в вопросах экономики, общества и окружающей среды. Экономическая преемственность подразумевает попытку оставить будущим поколениям больше достояния, чем долговых обязательств; под социальной преемственностью следует понимать то, что грядущие поколения имеют больше шансов, чем нынешние, а экологическая преемственность подразумевает, что будущие поколения проявят креативное отношение к природе вместо разрушительного» (Мулас-Грандос 2010).³

Таким образом, речь идёт о комбинации экономической, социальной и экологической преемственности. Сочетаемость всех трёх направлений объясняет амбиции в качестве прогрессивной народной партии.

Экономическая преемственность в приведенной выше дефиниции указывает на то, что социал-демократия должна переосмыслить своё традиционное понимание экономического роста, чтобы развить отвечающее времени понятие общественного и индивидуального прогресса. В этом понимании «новый экономический рост» для достижения общественного прогресса не может более толковаться лишь как рост ВВП, он должен намного значительнее учитывать такие до сих пор игнорируемые измерения, как качество жизни и внешние экологические эффекты.⁴ Развитие нового понятия роста и прогресса социал-демократы должны осознать как центральную задачу, поскольку и консерваторы, и зелёные уже пытаются добиться гегемонии в дискурсе — с потенциально большими шансами на успех как раз среди городской, «постмодернистской» буржуазии.

Социальная преемственность предполагает активную и дальновидную политику.

Экологическая преемственность — это тема политических баталий. Для зелёных она является сутью их фирменного знака, консерваторы же будут усиленно пытаться завладеть темой с опорой на ценности в духе «сохранения творения». Для социал-демократии предоставляется возможность понимания экологического направления преемственности также и в качестве экономической и социальной темы будущего. Один из примеров — создание рабочих мест, как на внутреннем рынке, так и с ориентацией на экспорт за счёт содействия экотехнологиям и мероприятиям по повышению энергоэффективности. Кроме того, это одно из немногих полей политики, в котором с уверенностью в своей правоте возможна достоверная ссылка на собственную правительственную политику, проводимую в недавнем прошлом.

Такое инклюзивное определение понятия преемственности позволит снова воспринимать социал-демократию, как политическую силу, выступающую за реализацию шансов и за общественный прогресс. В этом плане понятие преемственности также сопоставимо с мыслью о социальном обеспечении, которое выступает традиционным для социал-демократии и имеет центральное значение для классических групп избирателей социал-демократии, относящихся к нижним слоям среднего класса.

Новая прогрессивная социоэкономическая парадигма больше не может ограничиваться национальными рамками. «Государство» в дебатах на

3. Аналогично: Лена Зоммештад в своей статье со ссылкой на доклад Гро Харлем Брундтланд (Sommestad 2010).

4. Сравни: Stiglitz, Sen, Fitoussi: Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, www.stiglitz-sen-fitoussi.fr

тем «Рынок и государство» – это уже не национальное государство, существующее само по себе. Апробированием новых механизмов правления за рамками национального государства измеряется дееспособность активного государства.

По меньшей мере, три конкретных проекта политических реформ вытекают из широкого понятия преемственности в мировом масштабе: экономический – регулирование финансового капитализма, социальный – преодоление бедности и социальной эксклюзии прежде всего с помощью механизмов глобального перераспределения, развития социальной безопасности, и экологический – проект «Новый глобальный зеленый курс» («Global Green New Deal») (сравни: Зоммештад). Последний мог бы стать маячным проектом обновлённой социал-демократии, если бы он всё же смог образцово-показательно объединить все три измерения представленной в данной статье новой социал-демократической модели рынка и государства.

Гражданское общество и альянсы

Тот факт, что европейская социал-демократия до сих пор не была в состоянии разработать собственное толкование глобализации в противовес рыночному либерализму, имеет также своё объяснение во всё большем ухудшении прочности позиции социал-демократии в обществе. С одной стороны, это в целом обосновывается такими длительно сохраняющимися общественными тенденциями, как индивидуализация, сильная проектно ориентированная заангажированность и ослабевающая способность крупных организаций к сплочённости. Одновременно с этим откололись или существенно ослабели такие традиционные коалиционные партнёры, как профсоюзы или благотворительные объединения и ассоциации. К этому следует также добавить, что социал-демократические партии до сих пор слишком мало участия принимали в таких новых социальных феноменах, как экологические и социальные инициативы.

Соответственно, социал-демократии грозит потеря не только её основного электората из категории организованных наёмных работников или безработных, но также и городской буржуазной интеллигенции. Как раз последняя была бы более открыта по отношению к новому, ориентированному на комплексную преемственность политическому подходу социал-демократии (сравни: Зоммештад). Интеллектуальное обеднение европейской социал-демократии объясняется также и тем, что она в прошлом слишком мало стремилась к обмену с раз-

личными общественными группами, из жизненной реальности и креативности которых раньше всегда питалось её концептуальное совершенствование.

Как для разработки, так и для внедрения новой социал-демократической интерпретации взаимоотношения между рынком и государством необходимо возрождение и создание разнообразных альянсов и сетевых систем внутри общества (сравни: Hassel 2009, S. 3). Взаимоотношение между рынком и государством невозможно дефинировать без концепта гражданского общества (смотри статью Ханнеса Мослера). Здесь обнаруживаются многочисленные подходы к непрямому регулированию рынков через потребительское поведение (честная торговля; fair trade) и политические инициативы (например, в области прав человека). Диалог с новыми гражданско-общественными организациями и общественно релевантными предприятиями является исходной точкой и для упрочения позиций политических партий в обществе, включая общественные преобразования. Социал-демократия может энергично продвигать реформы, активно поддерживая гражданско-общественные инициативы за развитие, окружающую среду, права граждан и семьи.

ОТ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ» К «ПУТИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ»: НОВАЯ ПАРАДИГМА ДЛЯ ПРОГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСЛЕКРИЗИСНОЕ ВРЕМЯ

Карлос Мулас-Грандос

Обмен мнениями по поводу взаимосвязей между рынком и государством, инициированный фондом им. Фридриха Эберта на основе основополагающей статьи профессора Гассель, предлагает стимулирующий контекст, чтобы обратиться к рассмотрению многих критических вопросов, в которых социал-демократия должна сегодня разобраться. Из числа многочисленных возможных вопросов данный краткий комментарий концентрирует внимание только на трёх: 1) Почему большинство аналитиков полагает, что социал-демократия находится в кризисе? 2) Что могло бы стать лейтмотивами и ключевыми концептами, которым удалось бы содействовать получению статуса вновь главенствующего дискурса для социал-демократии? 3) Какие роли мы должны признать за рынком и государством в этом новом дискурсе?

Почему социал-демократия находится в кризисе?

Позвольте мне, прежде всего, высказать свою позицию относительно того, почему так много аналитиков придерживаются мнения, что социал-демократия находится в кризисе. С самого начала экономического кризиса, как прогрессивные интеллектуалы, так и прогрессивные политики испытывают чувство несправедливости, так как с момента возникновения кризиса консервативные силы в большинстве выборных кампаний выиграли для себя больше, чем левоцентристские партии. Прогрессивные столкнулись с таким парадоксом: если механизм кризиса был запущен неолиберальной экономической парадигмой, то почему избиратели в поисках подходящего выхода не держались социал-демократов?

Можно обнаружить здесь пять причин, общих для многих социал-демократических партий в Европе, и все пять коренятся в недостаточности Третьего Пути.¹

Во-первых, европейские социал-демократы думали, что они обладают монополией на предложение сетей социальной защиты и социальных пакетов спасательных средств для граждан, затронутых кризисом. Хотя публичное ассигнование социальной политики в Европе в течение десятилетий было решающим идеологическим различием между социал-демократами и консерваторами (и всё ещё продолжают таковым быть в таких странах, как США), социальное государство является сегодня частью институтов, реализующих наши демократии (точно так же, как выборы и независимые средства информации). Вследствие этого, те партии, которые на момент наступления кризиса были в правительстве (большинство из них – правопоцентристские), просто позволили социальному государству выполнить, как предписано, его обычную работу. Социал-демократы только тогда отреагировали на это, когда у них отобрали один из сокровеннейших компонентов их повестки дня, хотя им следовало бы понимать, что исход идеологической борьбы в Европе больше не решается через социальные пакеты спасательных средств (гарантированные институционально), а лишь через проект дифференцированной повестки дня реформ, которая базируется на альтернативной экономической парадигме для будущего.

Во-вторых, европейские социал-демократы плохо сработали в этой альтернативной экономической модели, не дефинируя или довольно плохо определив то, за что они ратуют или чем они отличаются от консерваторов. С помощью Третьего Пути была предпринята попытка привести прогрессивный арсенал идей и мыслей в соответствие с рыночной экономикой, индивидуализмом и глобализацией. Это помогло Биллу Клинтону, Тони Блэру и Герхарду Шрёдеру утвердить политическую гегемонию в эпоху, когда доминировали консерваторы. Все три проекта были, правда, уравнительными, но при этом, однако, поступались кое-чем из того, что является характерным для социал-демократического менталитета мышления, так что консерваторам удалось стереть различие между ними и социал-демократами. Кроме того, многие из нынешних трудностей, которые социал-демократы имеют при описании альтернативной, экономической парадигмы, коренятся в пробелах осмысления Третьего Пути, особенно в отношении индустриального обновления.

В-третьих, социал-демократы потерпели неудачу там, где речь шла о том, чтобы вникнуть в ценности

1 Последующие абзацы базируются на статье «Más allá de la Tercera Vía» Карлоса Муласа и Мэтта Брауна, см. <http://www.elmundo.es/opinion/tribuna-libre/2009/10/19570138.html>, и на статье «What Is Wrong with Social Democracy?» Мэтта Брауна, Руи Тейшейры и Джона Халпина, см. <http://www.spiegel.de/international/germany/0,1518,652231,00.html>.

избирателей, и поэтому затрудняются реагировать на народный гнев, который типично коренится в таких ценностях. Сила Третьего Пути была прежде в отвержении им идеологии; теперь это обратилось в слабость.

Социал-демократические политики часто страдают «синдромом страсти к семинарам», и обращаются с политическим процессом, как с неким занятием, суть которого заключается в собирании цифровых показателей, подтверждающих документов и лучших идей. Однако избирателям нужно нечто большее, чем просто перечни политических точек зрения. Концентрируясь на ответственности и технократической реформе, социал-демократы с равнодушием относятся к ценностям и чувствам рабочего класса и формирующегося прогрессивного электората. Из-за этого левые и правые партии, а также зелёные и либералы обошли их на круг.

В-четвёртых, социал-демократы столкнулись сейчас с наплывом новых политических вызовов, которых Третий Путь не предвидел. Третий Путь зародился в очень и очень оптимистичное время. Конец холодной войны и Dot.com-бума соблазнил многих уверовать в то, что идеология (и политический конфликт) — дело прошлого, и что постмодернистские экономики в развитом мире могут жить за счёт сферы оказания услуг, лишь потребляя блага, производимые в развивающихся странах. Однако вступление миллиарда новых рабочих в глобальное хозяйство не осталось без последствий. В то время как доходы от глобализации широко делились на всех, расходы ложились лишь на немногих — как правило, на рабочий класс, образующий базу социал-демократических партий. Данные тренды обострились нынешним кризисом, а социал-демократическим партиям не удалось предложить на это убедительный ответ. Если прибавить сюда ещё и заботы на предмет иммиграции, преступности и исламского терроризма, то европейские электораты становятся уязвимыми для политики страхов и популизма. Социал-демократы находятся в настоящее время в затруднительном положении: либо им нужно представляться глухими — они расхваливают достоинства глобализации или мультикультурализма, не признавая связанные с ними трудности, либо они отчуждают части своего электората, который им нужен, чтобы добиться государственных постов. В экономических вопросах и в вопросах иммиграции их основной электорат вводится в искушение эмоциональными призывами их конкурентов на правом или на левом крыле; если же они применяют тот же язык, то теряют поддержку своих «этических избирателей».

И, в-пятых, социал-демократам не удалось модернизировать свои способы реализации политики. Фишка многих новых этических или прогрессивных

движений в том, что они структурированы открыто и менее иерархично. Те дни, когда контролирующая структура сверху определяла 24-часовой цикл новостей и разработку политических посылов, ушли в прошлое. Появление социальных средств информации и «блогосферы» делают такой подход невозможным. К тому же избиратели сейчас менее склонны к послушной почтительности и хотят играть активную роль в политическом процессе.

Что должно бы стать новой, выигрышной парадигмой для социал-демократии?

В то время как Третий Путь представляет собой необходимую фазу в обновлении социал-демократического образа мышления, главным образом потому, что он заинтересовал привыкший к консерватизму электорат возможностями прогрессивной политики, его лучшие времена, тем не менее, остались позади. Если социал-демократические партии хотят прийти в себя, они должны войти в новую фазу. По моему мнению, эта новая фаза должна детерминироваться поиском новой социоэкономической парадигмы, выходящей за рамки нынешнего статического взгляда на мир, при котором в партийной политике речь идёт о распределении власти и / или дохода между различными социоэкономическими группами. В ближайшие последующие годы прогрессивные силы должны понимать себя, как динамичные в сравнении с консерваторами. Когда возникают изменения, консерваторы проявляют тенденцию к их отрицанию или блокированию, в то время как прогрессивные должны позиционировать себя в качестве созидателей этих изменений, чтобы достичь улучшений для большинства. Даже в тех случаях, в которых умеренные консерваторы (такие, как Кэмерон в Великобритании или Меркель в Германии) искусно справляются с преобразованиями, они имеют тенденцию проводить такие реформы, которые делают общество, собственно говоря, продуктивнее, но отнюдь не справедливее. Если принять это во внимание, то различие между реформистскими консерваторами или либералами и динамичными социал-демократами должно было бы состоять в продолжительном стремлении к социальной мобильности. Прогрессивные должны в дальнейшем сформулировать тезис о том, что государство (то есть, новые политики общественного самоуправления или новые гражданские права) задействуется, чтобы обеспечить социальную мобильность за счёт предоставления шансов для успешного развития в постоянно изменяющейся окружающей среде.

В очень быстро изменяющемся мире социал-демократы могут во многом выиграть, если они перейдут с горизонтальной на вертикальную конку-

ренцию.² Это, естественно, требует ясного представления о том, чего же социал-демократы ожидают от будущего. Одни лишь призывы к изменениям могут оказаться антипродуктивными, если в дискурсе речь пойдёт только о неопределённости, активизации и адаптации, так как избиратели не склонны к рискам. Поэтому социал-либеральный подход, характеризующий Третий Путь, в кризисной ситуации был побеждён социал-популистскими подходами.

Новый социал-демократический дискурс должен разработать чёткое представление о новой социоэкономической парадигме, за которую он ратует. Как я это вижу, если Третий Путь выступал за эффективность и экономический рост (точно так же, как консерваторы), то новая парадигма должна ставить себе целью максимизацию преемственности и благосостояния.

Этот новый «путь преемственности» социал-демократического дискурса должен выразительно развить социоэкономическую модель, преемственную в вопросах хозяйства, общества и окружающей среды. *Экономическая* преемственность подразумевает попытку оставить будущим поколениям больше достояния, чем долговых обязательств; под *социальной* преемственностью следует понимать то, что грядущие поколения имеют больше шансов, чем нынешние, а *экологическая* преемственность подразумевает, что будущие поколения проявят креативное отношение к природе вместо разрушительного. Умеренные консерваторы, опять-таки, могли бы последовать за этим подходом. Однако в социал-демократической концепции преемственности речь идёт не только о прогрессе. Речь идёт о гармоничных пропорциональных

улучшениях в этих трёх сферах преемственности. В то время как консерваторы отдавали бы предпочтение экономической преемственности в качестве необходимого условия, чтобы за счёт неё достичь социальной и экологической преемственности,³ социал-демократы понимают, что эти три измерения взаимно обуславливаются. Так как гармоничные изменения невозможны, то социал-демократическая концепция преемственности отличалась бы, сверх того, постоянным применением публичных инструментов для перераспределения ресурсов и результатов, чтобы гарантировать эту ёмкую концепцию преемственности.

Как следствие этого идеологического сдвига, политические дебаты и разногласия получили бы новые контуры, чтобы адаптироваться к этой новой, вертикальной, переходящей из поколения в поколения и динамичной парадигме. Предыдущие споры об эффективности против справедливости, экономическом росте против благоденствия, свободы против равенства должны быть переформулированы с учётом их относительного вклада в преемственное общество. Например, программы по уходу за детьми или престарелыми, финансируемые за счёт налога, получаемого от фирм, могут способствовать гендерному равенству для работающих матерей, повысить комфортность для инвалидов и в совокупности повысить эффективность рынка, если женщины с более высоким уровнем производительности, чем у социальных категорий, будут включены в рынок рабочей силы.

Какую роль должны играть рынок и государство в этой новой парадигме?

В контексте этой новой парадигмы социал-демократы не должны возвращаться к старым дебатам о статической роли рынка и государства, как упомянуто в работе проф. Гассель. В этом плане я не соглашаюсь с тезисом проф. Гассель о том, что мы снова должны выступать за более сильную роль государства по отношению к рынкам. По моему мнению, сейчас следовало бы задать такие новые рамки: с одной стороны, рынки должны реформироваться, так чтобы они могли предоставлять личные блага в преемственной форме. Это может произойти исключительно путём нового регулирования и через новые стимулирующие

2 Горизонтальная конкуренция является традиционной конкуренцией за голоса избирателей, основанной на различии между левыми и правыми, которое всплывает главным образом в дискурсе о расслоении классов. Вертикальная конкуренция выходит за рамки этой традиционной концепции и предполагает, что в будущем каждый гражданин мог бы быть как рабочим, так и собственником, как получателем зарплаты, так и предпринимателем (в разных фазах жизни или даже одновременно). Например, в рамках вертикальной конкуренции те, кто хочет сохранить свои приобретённые привилегии, могли бы конфронтировать с теми, кто хотел бы достичь новых привилегий для тех, кто в новых возникших условиях не владеет никакими привилегиями. Как справа (например, состоятельные семьи или фирмы), так и слева (например, профсоюзные деятели) есть общественные группы, которые действуют консервативными способами и методами и могли бы в предвыборной борьбе противопоставляться инновативным и обособленным наёмным работникам (например, иммигрантам, женщинам или молодым избирателям). Политики, которые рассматривались бы теми, кто действует в духе корпоратизма, как реакционерские, классифицировались бы тогда другими общественными группами, которые ратуют за динамичную перспективу, как прогрессивные. Это проявится в таких важных дебатах, как споры о пенсионной реформе, о политике по вопросам изменения климата, о политике по активизации рынка труда и т.д.

3 Есть значимый пример этих различающихся концепций преемственности в двух версиях Лиссабонской стратегии Евросоюза. Если социал-демократический подход изначальной Лиссабонской стратегии 2000 года классифицировал экономическую, социальную и экологическую повестки дня, как равноценные, то реформированная Лиссабонская повестка дня 2005 года следовала подходу «1 + 2», как он был сформулирован консервативным Президентом Еврокомиссии Жозе Мануэлем Баррозо.

щие системы по принципу кнута и пряника. С другой стороны, государство должно не только регулировать эти новые рамки, но и само реформироваться, чтобы в случае неудачи рынка иметь возможность компенсировать её в духе новых преемственных целей.⁴

Но самым важным, однако, является то, что государство преемственной парадигмы должно быть в состоянии предоставить в распоряжение специфические публичные блага, чтобы таким способом обеспечивать долговременное равновесие, которого потребует новая парадигма.

Как следствие, государство всеобщего благосостояния должно в дальнейшем адаптироваться к новой логике. Эта новая логика есть логикой динамичного государства, которое представляет новую форму государства всеобщего благосостояния, в котором должны произойти два основополагающих изменения: (1) изменение средств и способов, чтобы функционировать внутренне динамичнее и преемственнее и чтобы стать вперёдсмотрящим игроком, который руководит отдельными игроками и создаёт позитивные внешние эффекты в своём отношении к избирателям, рабочим и предприятиям; (2) изменение целей: динамичное государство всеобщего благосостояния будет не только покрывать традиционные риски, которые ассоциируются с рынком труда (такие, как болезнь, нетрудоспособность, старение и безработица), но и ставить себе целью покрытие новых рисков, которые приходят с перманентным изменением (вроде риска застрять в переходной фазе и поэтому быть изолированным от общества), и таких, которые не соотносятся с преемственными преобразованиями (например, пузыри финансового рынка, миграционные движения или климатические катастрофы).

На практике идея динамичного государства как вперёдсмотрящего игрока была бы предпосылкой для развития дальновидного государства всеобщего

благосостояния в политике здравоохранения (например, через программы против излишнего веса и ожирения у детей и за отвыкание от курения); она предполагала бы активную поддержку государства в образовательной политике (например, с помощью программ, которые обязывают работающих осваивать новые знания и умения, даже если работник продолжает работать на своей должности); она также способствовала бы стратегическому государству в индустриальной политике (например, через программы, стимулирующие определённые ключевые отрасли будущего, такие как возобновляемые энергии, космическая промышленность, биотехнологии, электромобили, развлекательные проекты и т.п.).

Недавний кризис показал, что государство было очень успешным в своей ключевой роли в качестве гаранта сетей социальной защиты, поскольку оно спасло как финансовые рынки, так и граждан, которые более всего были задеты разразившимся экономическим кризисом. Сейчас, так как мы можем предвидеть конец кризиса, динамичное государство при переходе к новой социоэкономической парадигме должно взять на себя две важные дополнительные роли, а именно: оно должно по-новому регулировать рынки в пользу этих преемственных целей, и оно должно действовать в качестве стратегического игрока, инвестировать в наиболее динамичные отрасли и таким способом для всех создавать новые шансы. Учитывая долговое бремя, которое принёс с собой последний кризис, это могло бы означать, что необходимо осваивать новые источники доходов. Но если ими хорошо управлять (например, через введение налогов на финансовые транзакции, на выброс CO₂, новых налогов на наследство или регулирование денежных вложений в оффшорные зоны), то те же самые политики могли бы стать важной частью реформ, в которых мы нуждаемся, чтобы строить общество, преемственное экономически, социально и экологически.

4 Например, динамичное государство должно играть ведущую роль в новой дефиниции ВВП, который не только измеряет материальные доходы, но учитывает также социальную спаянность и качество окружающей среды. Кроме того, динамичное государство должно при этом играть ключевую роль в том, чтобы бороться со значительными неудачами рынка, связанными с предоставлением экологического капитала (например, через активное лесовосстановление, политику управления водными ресурсами и т.д.). и, наконец, динамичное государство должно вводить новые системы стимулирования, способствующие преемственности. Например, фонд IDEAS недавно предложил новое право граждан на частное энергопроизводство (Energiebürgerschaft) (так, что каждый гражданин может производить и распределять энергию) и новую систему дебиторско-кредиторских сертификатов на CO₂ для домашних хозяйств (при которой те, кто превысил норму потребления энергии, платят больше налогов, а те, кто потратил меньше, получают возврат переплаченного налога).

РЫНОК И ГОСУДАРСТВО: ФРАНЦУЗСКИЙ РАКУРС ЛЕВЫЕ И КАПИТАЛИЗМ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕФОРМЕ

Лоран Баумель

Европейская социал-демократия в последние три десятилетия была подвержена историческим переломам: экономическая глобализация, расслоение традиционных социальных классов, изменение возрастной структуры населения, изменение климата, возрастающий индивидуализм и другие глубинные изменения потрясли идеологический и концептуальный фундамент социал-демократии и потребовали его актуализации.

Среди вопросов, стоящих на повестке дня обновления, вопрос взаимосвязи рынка и государства является для новой дефиниции идентичности сегодняшних левых наиболее весомым. Крушение реально существовавшего социализма было решающим изменением в конце XX-го столетия. Социал-демократия со ссылкой на важное значение демократии и конституционных прав уже довольно рано отмежеввалась от коммунизма. Во Франции Леон Блум ещё в 1920 году на конгрессе в Туре провёл демаркационную линию, которая ориентировалась на эти существенные принципы. Правильность разграничения подтвердилась через 70 лет в виде развала тоталитарных государств Восточной Европы. Однако основополагающий «раскол» между социал-демократией и коммунизмом в рабочем движении, «невзирая на и вопреки этому», не представил никакого отделения от марксизма: Реформистские левые/ социал-демократия настаивали во Франции, как и в других европейских странах, очень долго на том, чтобы самоопределиться через идеологию «разрыва с капитализмом» и требовали более или менее сильной «коллективизации» экономики. Социальное государство долго, по меньшей мере – официально, представлялось как временный компромисс, как этап «классовой борьбы во время необходимого перехода к социалистическому обществу».

После окончательного краха плановой экономики социал-демократия не может более придерживаться этой позиции – ни на практике, ни в теории. Последовательный левый должен сегодня признать общее превосходство капиталистической рыночной экономики, то есть такой экономической организационной модели, которая основывается на прямом интересе производителей удовлетворять запросы потребителей, и которая следует двум существенным принципам: закону спроса и предложения, а также обоснованию хозяйствен-

ной деятельности через частную собственность на капитал. Такое признание, само собою разумеется, сказывается на связи между государством и рынком: левые не могут больше позволить себе игнорировать функциональную дееспособность рыночной экономики. Вместо этого они обязаны в дальнейшем принимать во внимание потребности и предполагаемый образ действия частных инвесторов и поэтому должны действовать с известной долей экономического «реализма». Это должно привести левых к пониманию уважения конкуренции, необходимой для динамики системы, и уважения условий увеличения стоимости капитала. Вместо того чтобы показывать пальцем на «предпринимателей», как это было в прошлом, современному левому, например, следует теперь стать на сторону предпринимательского риска в противовес доходу с капитала.

Этот новый подход к решению вопросов, который во Франции, вероятно, по причине глубоко укоренившегося «марксистского супер-Эго», был воспринят позднее, чем, например, в Германии или в Великобритании, воплощает сегодня общий принцип всей европейской социал-демократии. Поэтому дебаты о взаимоотношении между государством и рынком стали вопросом «правильного настраивания серых полутонов».

Социал-демократические подходы к сдерживанию рыночных сил

Во французском подходе мы имеем тенденцию к тому, чтобы характеризовать эти внутренние дебаты европейских левых как контраст между защищаемой нами социал-демократией и отвергаемым социал-либерализмом. За рамками своих внутренних различий французские социалисты более всего склонны к мнению, что левые партии и организации должны и в дальнейшем дефинировать себя путём отрицания любой эксплуатации и утверждения социального равенства. Это стремление к справедливости ведёт к тому, что французские левые по-прежнему критически противостоят капитализму. Иными словами: даже если экономические инструменты марксизма оказались неэффективными, то борьба против экономической ненадёжности, против потенциально превалирующей трактовки человеческого труда как чистого товара, против ущемления

интересов и – именно сегодня – против ущерба окружающей среде, вызванного и далее наносимого свободной игрой рыночных сил, остаётся основной ценностью социализма.

В русле кейнсианства французские левые остаются убеждёнными в том, что свободный рынок из-за отсутствия координации, с его фиксацией на сиюминутной рентабельности и с его тенденцией к созданию спекулятивных пузырей, не является рациональной системой, как убедительно доказали современные кризисы. Следовательно, то, что должно дефинировать социал-демократическую позицию – это волевое устремление к осмыслению противоречий и к поиску равновесий между экономической эффективностью и социальной справедливостью, между интересами капитала и наёмных работников, а также между рынком и политикой. Отмеченное выше «самоограничение» государства по отношению к рынку вовсе не означает ни то, что государство отказывается от активных действий, и ни то, что оно подчиняется диктату капитала. Социал-демократический реформизм имеет большую свободу движения, чтобы осуществлять социальное регулирование капитализма, не ставя под угрозу его основополагающие равновесия. Такие меры, как укрепление защищающего наёмных работников трудового права, введение достойной человека минимальной зарплаты, налогообложение прибыли и крупного имущества, вмешательство государства в экономику и, следовательно, рефинансирование налоговых поступлений для частных хозяйств или для расширения государственных служб, не должны нуждаться в получении особого одобрения со стороны предприятий или их акционеров, чтобы получить обоснованную их социальной справедливостью или даже эффективностью экономики возможность для внедрения политическим большинством социал-демократов в национальном или европейском масштабе. Этот подход к решению вопросов является, кроме того, сопоставимым с двумя историческими формами социал-демократии: социал-демократией в классическом смысле, базирующейся на главенстве тарифных переговоров и органических взаимоотношений между профсоюзами и «рабочими партиями» с имеющейся во Франции «государственной» формой, за которой остаётся признанным приоритет политической власти. В любом случае в этом подходе выражается социал-демократический идеал коллективного суверенитета всех граждан, позволяющего выполнять контроль экономики и общества.

Способность к конфронтации, воля к внедрению демократическими средствами правил и механизмов, корректирующих или ограничивающих сво-

бодную игру рыночных сил, должны определять социал-демократическую доктрину и чётко отделять её от экономического либерализма, который ставит свободу предпринимательства на первое место и отклоняет любую форму компенсационных выплат или отчислений. Дебаты по этому поводу внутри европейских левых всё ещё продолжаются. Небезынтересно отметить, что часть европейских левых внутри этого всеобщего движения за новую дефиницию доктрины, по инициативе, между прочим, Тони Блэра, попробовала «помирить» социальную справедливость с экономической эффективностью. Внимание, которое было уделено «равенству шансов», было тоже полезным творческим импульсом для левых, которые в прошлом не хотели признавать «справедливые неравенства», точно так же, как «равновозможность граждан по способностям». «Просвещённый либерализм» может, впрочем, на практике привести к стилям политики, близким к тем, которые могли бы требоваться от имени более жёсткой социал-демократии.

Однако, эти теоретические выкладки имеют свои пределы: «совместимость» экономического начала с социальным не устраняет напряжения между этими двумя полюсами. «Равенство шансов», как отмечает д-р Анке Гассель, едва ли отделимо от социального равенства. Прежде всего в глазах французских социалистов, даже в глазах реформистских, а также убеждённых сторонников Третьего Пути стремление адаптироваться к новой ситуации и склонность к поиску разрыва с «классической» логикой левых побуждала приверженцев этой линии к почти «разрушительному» рвению в таких аспектах, как систематическая критика государственного вмешательства в экономику, акцент на предложении и на налоговых льготах в политике, оправдание зарплатного прекаритета как условия для полной занятости, фокусирование на единственной цели «равенства шансов против равенства доходов», критика перегибов социального государства в его роли перераспределителя общественного дохода, доносительство о незаконном пользовании государственной поддержкой, новая ориентация на «новую середину» в угоду тактике выборной компании и т.д. Такие лейтмотивы принесли в жертву равновесие определения идентичности левых в пользу поверхностной логики идеологической «новизны». «Мы должны приложить все усилия, чтобы поддерживать предприятия, не присваивая себе когда-либо право заменить их», провозгласили Тони Блэр и Герхард Шрёдер в их знаменитом манифесте в июне 1999 года. Десятью годами позже, перед лицом кризиса капитализма и игнорирования левых на выборах большей частью наёмных работников, европейская социал-демокра-

тия должна в явном виде освободиться от этого особенного момента её истории, чтобы с учётом адаптации её целей и инструментария к изменившейся ситуации сконцентрировать внимание на своих фундаментальных основах. Снова процитируем Анке Гассель: «Также и именно Третий Путь с его однобоким выпячиванием позитивных сторон либерализации больше не поможет нам двигаться вперёд».

Предложения по разработке социал-демократической модели рынка

В качестве творческих импульсов для поиска новых путей интервенций государства или общественного управления в целом – понимаемого как совокупность государства и местного самоуправления для регулирования, сдерживания в рамках и смирения рыночной экономики – могут служить разнообразнейшие аспекты и поля политического интереса: например, вопросы макроэкономического пилотирования кризиса, регулирования финансовой системы или преемственная реакция на вызовы изменения климата – то есть, вопросы, требующие распространения *глобального управления политическим взаимодействием (global governance)*. При этом в центре внимания находится не столько предоставление и обновление инструментария социального государства, сколько в большей степени само международное расширение социального государства. Здесь, однако, следует также упомянуть некоторые возможности скорее национального или европейского подхода к решению вопросов.

Прежде всего, преимуществом для социал-демократической постановки задач и целей было бы ощущение более сильной ответственности за сохранение и развитие той сферы нашего общества, которая не подчинена рыночным законам. Этот взгляд на мир может привести к постановке удара в важности концептов пожертвования и безвозмездности в нашем обществе, например, путём поддержки неприбыльного сектора, а также создания и стимулирования объединений или товариществ. В противовес ужасной, широко распространяющейся в Европе идеологии конкуренции и приватизации такой взгляд на мир становится практически на сторону осуществляемого всем обществом финансирования благ или услуг, например, в сферах здравоохранения, образования, ухода за детьми, культуры или транспорта. Доступ к таким благам и услугам рассматривается как основное право индивидуумов, которое должно быть гарантированным и защищённым так, чтобы не зависеть от критерия рентабельности либо только от личного или семейного дохода. В тот момент, когда президент Обама проводит реформу здравоохра-

нения, для европейской социал-демократии является одним из самых больших вызовов сохранение своей собственной социальной модели. Демографические изменения, увеличение продолжительности жизни и увеличение времени школьного образования обуславливают при этом также необходимость адаптации систем пенсионного и больничного страхования. Однако левые в Европе должны и дальше воплощать главенство коллективного страхования, вместо того чтобы передавать социальную защиту частным игрокам.

Второй сферой, в которой должна развернуться обновлённая социал-демократическая логика, необходимо назвать трудовое право. Не следует отказываться от тезиса о том, что суммарный объём труда мог бы адаптироваться к конъюнктурному подходу в различных сферах хозяйства, ни отвергать с порога интересные концепции, которые, например, скрыты за таким составным понятием, как «флексикюрити» (*Flexicurity*). Вместе с тем, должны устанавливаться существенные рамки: даже если работой человека можно торговать на рынке, важно напоминать о том, что сам человек не является «продуктом одноразового использования». Хозяйственная «ненадёжность», которой подвержены предприятия, не должна поэтому позволять нам забывать о той ненадёжности, какой подвержены наёмные работники, которые без минимальной стабильности их рабочих мест не могут построить основы своего личного существования. В равной мере, уже изначально заложенная в сущности самого предприятия директивная компетенция не оправдывает порабощения. Если уж и надо работать и хозяйствовать, практически в пользу менеджмента или, в конечном итоге, прежде всего, на акционеров, то согласованное сторонами во имя производительности иерархическое взаимоотношение не должно означать разрушения физического или психического равновесия наёмных работников в процессе конкретно выполняемой работы. В периоды ухудшения условий труда основные, постоянные избиратели ожидают действий от социал-демократии и выдвигают требования. Нельзя пренебрегать идеей «социальной ответственности предприятий». И социальное государство должно интенсивнее брать на себя социальную ответственность, применяя финансовые санкции при злоупотреблениях в сфере прекаритетных трудовых отношений или подчёркивая индивидуальную материальную ответственность предприятий за увольнения или производственный травматизм.

Третьим полем, на котором могла бы утвердиться социал-демократическая парадигма, следовало бы назвать возрождение понимания необходимости структурного вмешательства государства в экономику. Речь идёт не о том, чтобы вернуться к политике

«национализации», а о том, чтобы осознать то, что по-прежнему остаются в силе основные положения социально ориентированной промышленной политики в самом широком смысле. Здесь следовало бы, прежде всего, упомянуть о покрытии государством экономических «внешних эффектов» (таких, как расходы на обучение персонала и на исследования, которые, по возможности, усилят технологический и когнитивный капитал всей экономики), либо о поддержке инновационных или общественно полезных инвестиций (которые расцениваются рынком, как слишком рискованные или недостаточно доходные). Вместе с Анке Гассель мы полагаем, в частности, необходимым форсировать расширение сферы услуг по поиску, подбору и трудоустройству персонала (*Personaldienstleistungen*), которые представляют новый источник роста и соответствуют развитию общественных потребностей.

Это всего лишь некоторые примеры. Само собой разумеется, их следовало бы дополнить многими другими примерами для ведения широкой концептуальной дискуссии: такими, как вызовы в области налогового перераспределения общественного достояния через налогообложение, вопросы социальной помощи, аспекты регулирования шкалы доходов или, что тоже очень важно, вызовы в сфере равенства шансов, стимулируемого образовательной и жилищной политикой. Перечень таких примеров и аспектов показывает также, что модернизация не является несовместимой с политической верностью. Признание капиталистической рыночной экономики не подразумевает исчезновения государства, а совсем наоборот. Необходимо найти новую формулировку, новую логику интервенций, адаптированную к современным вызовам. Говоря словами Анке Гассель, и в этом тоже заключается новая совместимость, которая для социал-демократии в начале XXI-го столетия представляет собой существенное условие для отвоевания власти.

ЭКОНОМИКА ПРЕЕМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ – ПРОГРЕССИВНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА НЕОЛИБЕРАЛИЗМУ В XXI-М СТОЛЕТИИ

Лена Зоммештад

Социал-демократы вынуждены были признать, что модернизация, в форме растущей глобализации и либерализации, неизбежна. Это утверждение выражено в программной работе Анке Гассель «Кризис и перспективы».

Проф. Гассель констатирует, что радикальную идеологию неолиберализма отныне после финансового кризиса необходимо смягчить. Однако Гассель не ставит под вопрос несущую экономическую опору неолиберальной идеологии: экономический либерализм как ключ к экономическому росту. Она также акцептирует некритически неолиберальное утверждение о том, что наше общество за последние десятилетия так радикально изменилось, что социал-демократы не могут делать ничего иного, кроме как «понимать требования экономического и социального преобразования и реагировать на них» (Hassel 2009: 2).

В данной комментарии к статье Гассель я аргументирую тезис о том, что некритичное признание неолиберальной теории роста является главной слабостью её анализа. Кроме того, я утверждаю, что социальные и экономические структуры нашего современного общества не так радикально отличаются от идентичных структур прошлого, чтобы надо было отречься от основополагающих социал-демократических идей, касающихся связи между рынком и государством. Модернизация нынешней социал-демократической политики, принимая во внимание новые национальные и транснациональные вызовы внутри страны и за рубежом, действительно необходима. Однако модернизация не тождественна либерализации.

Я предлагаю альтернативу преобладающим ориентациям в неолиберальной парадигме: концепцию преемственного развития. В прошедшие десятилетия требования преемственного развития непрестанно бросали вызов господствующему неолиберальному дискурсу, в особенности во время глобальных переговоров, на которых речь шла об окружающей среде и развитии. Такие дебаты, однако, большей частью игнорировались европейскими социал-демократами, которые, как это очевидно, больше занимались тем, чтобы приспособиться к неолиберализму. Выдающимся исключением является самая первая сторонница концепции преемственного развития: бывшая норвежская премьер-министр Гру Харлем Брундтланд.

Преемственное развитие – исходная точка

«Преемственное развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет нужды настоящего, не подвергая риску возможность будущих поколений удовлетворять свои потребности» (WCED 1987).

Эта цитата резюмирует идею преемственного развития, которая была выдвинута Гру Харлем Брундтланд в докладе «Наше общее будущее» (1987). Доклад Брундтланд знаменовал собою начало глобального движения, объединившего требования защиты окружающей среды, преодоления нищеты и за социальное равенство. Благодаря этому были подготовлены условия для Конференции по окружающей среде и развитию в Рио в 1992 году, за которой в 2002 году в Йоханнесбурге последовала Встреча на высшем уровне, посвящённая преемственному развитию.

Сегодня преемственное развитие дискутируется большей частью в связи с такими темами окружающей среды, как изменение климата и потеря биологического разнообразия. Политический динамит концепции заключается, однако, в применимости критериев преемственности к сферам экономического и социального развития. Уже по докладу Брундтланд было очевидно, что узко понимаемое понятие физической преемственности требует принятия во внимание социальной справедливости не только между, но и внутри поколений. Аналогичным образом Гру Харлем Брундтланд поставила под сомнение неолиберальную парадигму, высказав требование о том, качественная составляющая экономического роста должна измениться. По её мнению, преемственное развитие требует, чтобы общества удовлетворяли человеческие потребности путём увеличения продуктивного потенциала и обеспечения равенства шансов для всех (смотри: там же).

Я полагаю, есть достаточно аргументов за то, что «Наше общее будущее» и сегодня может служить в качестве платформы для дискуссий о задачах по обновлению социал-демократического арсенала идей и мыслей. Концепция преемственного развития вызвала большой интерес во всём мире. Доклад Брундтланд прочно базируется на интеллектуальной, социал-демократической традиции, и всё больше результатов исследований эмпирически подкрепляют подход бывшего норвежского премьер-министра.

Преемственное развитие против конкурентного рынка

Стержневым в глобальных дебатах о преемственном развитии является утверждение о том, что рынки необходимо ограничивать, чтобы обеспечить преемственные структуры для экономического роста и развития. Хотя конкурентный рынок обладает большим потенциалом для форсирования эффективности, многообразия и инноваций, существует большой риск того, что нерегулируемые рынки разовьются в места недальновидной эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Посыл состоит в том, что рыночные экономики не могут обеспечить преемственное экономическое благосостояние, если не предпринимать мер, которые сохраняют и разовьют продуктивный потенциал общественных благ (таких, как экосистемы, инфраструктура, здравоохранение, знания и социальная спаянность).

В призыве к ограничениям для рынков проявляется идеологический ход, который соединяет современный дискурс о преемственном развитии с требованиями социал-демократической традиции. Для раннего европейского рабочего движения было само собой разумеющимся то, что труд должен быть защищён от свободной игры рыночных сил, чтобы препятствовать экономической эксплуатации и гарантировать семейный доход. Защита обеспечивалась профсоюзами, которым удавалось демпфировать власть принципа конкуренции. До сегодняшнего дня ограничение конкуренции остаётся несущей колонной в архитектонике социал-демократической политики на рынке труда.

Кроме того, есть сильная связь между призывом Брундтланд к преемственному развитию, которое базируется на социальном равенстве, и длительно ориентированной политической повесткой дня европейских реформистских социал-демократов. Эта связь проявляется особенно отчётливо в успехах шведской социал-демократической партии, которой удалось в результате кризиса мировой экономики построить государство всеобщего благосостояния, основанное на прогрессивных приоритетах.

Существенным эмпирическим знанием из Великой Депрессии было то, что рынки сами по себе не могут обеспечить долговременное экономическое благоденствие. В Швеции этот вывод довольно рано вызвал адаптацию макроэкономического управления спросом по образцу Кейнса, которое было развито учёными-экономистами Стокгольмской школы экономики. Социал-демократический министр фи-

нансов Эрнст Вигфорс был пионером нового подхода. Шведское макроэкономическое управление спросом было позднее преференцировано вследствие возникновения глобальной Бреттон-Вудской валютной системы. Бреттон-Вудская система, отдавшая политике полной занятости приоритет перед свободными, глобальными движениями капитала, была сильной реакцией на неудачу глобальных финансовых рынков в послевоенные годы.

Если же рассматривать социальную политику, то можно сказать, что шведское социальное государство и раньше ратовало за прорыв идеи преемственного развития. С 1930-х годов социологи Гуннар и Альва Мюрдаль играли ключевую роль в этом развитии. Они были первыми, кто проанализировал экономические воздействия старения населения, образования человеческого капитала и роли женщин в труде и в семье. В своей часто дискутируемой книге о причинах снижения рождаемости в Швеции они разъяснили, что успешное экономическое развитие требует мер по поддержке семей с детьми. Важным результатом их идеи было прогрессивное социальное законодательство, давшее замужним женщинам право на труд – в сочетании с экономической компенсацией для всех матерей, на которых распространяются права работающих беременных женщин. В послевоенное время социал-демократические установки поддержали «продуктивную» социальную политику, нацеленную на улучшение всеобщего здоровья, условий проживания, образования и таких социальных услуг, как уход за престарелыми и детьми. Положение женщин было существенно улучшено. Так как образование человеческого капитала стало ядром шведской стратегии роста, оно затронуло также женщин и семьи.

Перед лицом каких новых вызовов находятся социал-демократы?

Часто утверждают – так же, как в статье Анке Гасель – что капитализм находится в процессе радикального преобразования, и что по причине этого радикального преобразования предыдущие социал-демократические стратегии больше не являются адекватными. К изменениям, которые описываются, как принципиально новые, относятся подъём новых индустриализованных экономик и процесс «глобализации».

Так ли это фактически? В прошедшие десятилетия бывшие развивающиеся страны действительно индустриализовались стремительными темпами. Образовались новые структуры торговли, миграции и потоков капитала; в них отражается новая экономическая география, а также новые глобальные финансовые институции.

Однако на самом деле есть лишь немногие эмпирические доказательства, подкрепляющие утверждение о том, что нынешняя глобальная экономика репрезентирует новую фазу в истории развития хозяйства. Что касается роста глобальных финансовых рынков, то они отражают – в несколько большем масштабе – процесс глобализации, который мы знаем со времён золотого стандарта (1873–1931). Новые страны доминируют, но образец растущих индустриальных держав, глобальной миграции и повторяющихся кризисов остаётся одним и тем же.

Новой в XXI-м столетии является не природа капитализма, а в большей степени – возрастающая величина мировой экономики и ослабленная позиция, которую Европа в ней занимает. Бывшее превосходство постиндустриальных государств быстро убывает. А со стареющим населением их позиция слабеет дополнительно. Одновременно с этим достигает планетарных масштабов загрязнение окружающей среды. Справиться с нагрузками на окружающую среду в мире, который всё ещё характеризуется глубокими социальными несправедливостями – это наитруднейший вызов, с которым должны критически разобратся социал-демократы нашего времени.

Дискурсы в конфликте: Расцвет неолиберализма

Параллельно дискурсу о преемственном развитии неолиберальные идеи с 1980-х годов переживали время расцвета. Широкое приятие неолиберального арсенала идей и мыслей стало даже своего рода отличительным знаком конца XX-го и начала XXI столетия. Согласно неолиберальному дискурсу эффективные рынки должны заменить собой неэффективные правительства. Эффективность затрат и конкурентоспособность выдвигаются как основные ценности. Неолиберальные идеи сегодня в огромной степени крепят структуру глобальных финансовых институций, европейский внутренний рынок, предприятия общественного снабжения, экологическую и социальные услуги. В некоторых странах, таких как Швеция, по рыночным принципам действуют даже в тех секторах, которые финансируются из налогов, как, например, в секторе образования.

Чем объясняют эту идеологическую доминантность неолиберализма? Наиболее значимым является тот факт, что неолиберализм стал пониматься уже не как парадигма политики, а как истинный, научный анализ современного общества. В 1970-х годах неолиберальным экономистам и их сторонникам удалось рассказывать некую заманчивую историю: историю о либерализованных рынках как главной приводной пружине экономического роста и благо-

получия. После кризиса Бреттон-Вудской системы и с растущей неудовлетворённостью кейнсианским подходом неолиберальная история была подкреплена впечатляющей, околосторической риторикой: Неолиберализм как новая и необходимая стадия в истории экономики.

Новый рассказ о росте и благоденствии

В последние годы убедительность неолиберального рассказа всё больше ставится под вопрос. Финансовый и экологический кризис бросил тень сомнения на её соответствие реалиям. Одновременно с этим господству неолиберальной парадигмы и её основной посылке – рыночной конкуренции как ключу к экономическому росту – сопротивляется всё большая часть социально-общественных исследований. В соответствии с экономическими идеями Гүннара Мёрдала состояние здоровья и возрастная структура снова пропагандируются в качестве решающих исходных условий для последующего экономического роста. Это должно воодушевить социал-демократов на разработку нового рассказа о росте и благоденствии, который базируется на современной экономике преемственного развития.

Двое учёных-экономистов из Гарвардского университета, Дэвид Э. Блум и Дэвид Кэннинг, были среди первых, кто пропагандировал тему «здоровья» в качестве важного стимула для дискуссии об экономическом росте. В статье, опубликованной в *Science* (2000), они пришли к выводу, что влияние состояния здоровья на экономический рост ошеломляюще велико, и что это полностью вытекает из наднациональных эмпирических исследований. Восточная Азия в послевоенные годы есть тому наглядный пример.

Согласно Блуму и Кэннингу, инвестиции в систему здравоохранения должны рассматриваться как главные опорные колонны, на которых зиждется восточноазиатское экономическое чудо (Bloom / Canning 2000). Американский научный экономист Джеффри Сакс проанализировал аналогичный аргумент в своём новаторском докладе для Всемирной организации здравоохранения «Макроэкономика и здоровье: инвестиции в здоровье в целях экономического развития» (*Macro-Economics and Health. Investing in Health for Economic Development*) (2001). Этот доклад был инициирован Генеральным секретарём ВОЗ, Гру Харлем Брундтланд.

Что касается возрастной структуры, то проблема старения населения прежде всего привлекла огромное внимание. В прошедшие годы было обосновано доказано, что при наличии родившегося в демографически активных годах молодого населения

в трудоспособном возрасте экономика растёт с тенденцией к ускорению, как, например, в сегодняшней Восточной Азии, в то же время в регионах со стареющим населением рост экономики имеет тенденцию к замедлению, как в настоящее время это происходит в Японии или в Европе (Bloom / Canning / Sevilla 2003; Lindh / Malmberg 2007).

Новая, прогрессивная повестка дня

Увеличение доли исследований по темам здоровья и возрастной структуры имеет большое значение для социал-демократов. В общем и целом, рассказ об экономическом росте, основанный на здоровье и демографии, укрепит призывы к защите окружающей среды, к социальным инвестициям, равенству шансов и гендерному равенству. Благодаря этому становится понятным, что хозяйственный рост основывается не на одних лишь эффективных рынках, но также и на производственных инвестициях, которые были созданы в прошлом.

Нынешний финансовый кризис – вместе с кризисом окружающей среды – является новой возможностью для социал-демократов, чтобы обосновать новую, прогрессивную повестку дня. Европейские страны стоят перед лицом целого ряда повседневных вызовов, касающихся забот об окружающей среде, угрожающих изменений климата, стареющего населения, деиндустриализации и дерегулированных глобальных рынков. Все эти вызовы требуют долговременных политических реакций.

Как уже было подмечено Полом Кругманом и другими аналитиками, настало время, вернуться к кейнсианскому подходу в той его части, которая касается создания рабочих мест и экономического роста (Krugman 2009). Это особенно релевантно, принимая во внимание климатический кризис. Сегодня доминирует рыночный подход в политике по вопросам глобальных изменений климата. Этот подход, обычно поддерживаемый консервативными партиями и зелёными, тесно связан с неолиберальной парадигмой роста. Он опирается на рыночные инструменты, чтобы обеспечить частные прибыли, конкуренцию и эффективность затрат.

Вследствие финансового кризиса выявилось, что этот рыночный подход в значительной степени не адекватен. По мере того, как падала экономическая активность, снижались и инвестиции в зелёные технологии. Такие инструменты рынка, как государственная торговля правами на эмиссию не выполнили того, что они обещали. По моему мнению, социал-демократы должны бы предложить альтернативный подход, «Новый зелёный курс» («*Green New Deal*»), чтобы ускорить преобразования в сфере охраны ок-

ружающей среды. Этот инвестиционный подход должен конституировать чёткую узнаваемость широкомасштабной политики преемственного развития и не исключать возможности прямых интервенций государства.

Что касается социальной политики, то Европейский Союз уже давно требует общественной модернизации и социальных инвестиций, чтобы суметь встретить будущие вызовы стареющего населения и деиндустриализации. Благодаря Лиссабонской повестке дня, которая содержит такие цели, как преемственный экономический рост, улучшение рабочих мест и социальная спаянность, был сделан важный шаг.

Анке Гассель отмечает, что хозяйственная либерализация в Германии действительно активировала процесс общественной модернизации, содержащей в себе поддержку эмансипации женщин и гибкую семейную политику. Это, конечно, позитивный результат. Однако в других социальных государствах, например, в Швеции, такое сочетание между экономической либерализацией и общественной модернизацией отсутствует. Много десятилетий назад там были проведены важные реформы, чтобы обеспечить эмансипацию женщин и гибкую семейную политику. Факт состоит в том, что сопоставительные исследования о государствах всеобщего благосостояния тоже показывают, что социальные институты, возникшие на либеральных идеях, как например, системы гендерной защиты в США или Великобритании, предлагают, как правило, довольно слабую поддержку матерям и детям. (Sommestad 1997). К модернизации можно стремиться и без хозяйственной либерализации.

Академическое сообщество – важный политический союзник

Анке Гассель предлагает, чтобы социал-демократы вступали в альянсы с широкими средними слоями, с социальными партнёрами и сознающими свою ответственность фирмами. Я согласна с этим тезисом и хотела бы обратить внимание на особую группу среднего слоя: академическое сообщество.

Академическое сообщество важно для социал-демократов, так как оно репрезентирует в своей массе знания и ценности, противостоящие неолиберальной парадигме. Это особенно отчётливо видно в тех странах, в которых с излишком были внедрены меры экономической либерализации. Типичным случаем здесь выступает Швеция.

В Швеции рыночные принципы проникли сейчас во все сферы общества – от общественного транспорта до ухода за детьми и образования. В такой ситуации существует тенденция к тому, что идея эффективности и конкурентоспособности приобретает главенство

над профессиональным опытом, знаниями и этикой. Эффективные рынки перепутаны с осознающим свою ответственность управлением. Чем больше при этом воплощается неолиберальная парадигма, тем больше в решении общественных дел подходят с чисто рыночных точек зрения.

Выводы

Гру Харлем Брундтланд поставила под сомнение идею либерализации, введя свою концепцию преемственного развития. В данном комментарии я высказала своё мнение о том, что её подход по-прежнему остаётся в силе. Он также является для социал-демократов более уместным, чем любая попытка требовать возврата к социальной справедливости и одновременно с этим принимать концепцию экономической либерализации, как неизбежную.

Я убеждена в том, что ренессанс социал-демократической политики не состоится до тех пор, пока социал-демократы не оспорят неолиберальный рассказ об экономическом росте. Во время финансового и климатического кризиса взаимосвязь между государством и рынком должна развиваться, а не сворачиваться.

Литература

Bloom, David E.; Canning, David (2000): The Health and Wealth of Nations, Science, February 2000.

Bloom, David E.; Canning, David; Sevilla, Jaypee (2003): The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change. Santa Monica, CA: Rand.

Hassel, Anke (2009): Reconsidering the Social Contract after the Crisis. Market and State in European Social Democracy, Friedrich-Ebert-Stiftung, Berlin.

Krugman, Paul (2009): Die neue Weltwirtschaftskrise, Campus Verlag, Frankfurt/M.

Lindh, Thomas; Malmberg, Bo (2007): Demographically based global income forecasts up to the year 2050. International Journal of Forecasting, 23(4) 2007.

Sommestad, Lena (1997): Welfare State Attitudes to the Male Breadwinning System: the United States and Sweden in Comparative Perspective, International Review of Social History 42, 1997, Supplement 5.

WCED (Weltkommission für Umwelt und Entwicklung der Vereinten Nationen): 1987.

ГОСУДАРСТВО И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА ПОСЛЕ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА – ВЗГЛЯД ИЗ ВЕНГРИИ

Тибор Дешеффи и Габор Гиори

Если мы представим себе прошедшие десятилетия, как повторно-непрерывное упорядочивание взаимоотношения между государством и рынком с учётом возможностей власти и имеющихся ресурсов, то финансово-хозяйственный кризис 2008/2009 гг. может быть интерпретирован двояко: кризис мог бы быть выражением неравномерностей на пути к более или менее либерализованному рынку, с другой стороны он мог бы маркировать поворотную точку во взаимосвязях между государством и рынком, в которой заканчивается тенденция к «невмешательству государства в экономику» (*laissez faire*), а государство отвоёвывает часть своего утерянного авторитета в вопросах сопричастности к формированию экономических процессов. Решающий аспект нынешней ситуации заключается в том, что заранее невозможно предсказать, куда приведёт дорога. Так как на нынешней развилке мощные силы тянут в разные стороны, то однозначная зависимость от выбора пути отсутствует. При формировании взаимосвязей между государством и рынком решающую роль будут играть управленческое умение и политическое руководство. Отсюда следует, что социал-демократии, даже если принять во внимание её ныне ослабевшую власть на европейском уровне, предстоит сыграть ключевую роль при определении дальнейшего развития взаимосвязей между государством и рынком. Возможность внести вклад в этот процесс несёт в себе большую ответственность: социал-демократия должна сформулировать виденье той роли, которую согласно её представлениям должно сыграть государство. Это виденье не может быть разработано как идеологически-стратегическая позиция изолированно от общеполитического виденья социал-демократии: взаимосвязи между государством и рынком не существуют независимо от идеологических целей или сфер общественной жизни. Поэтому наша концепция о том, как необходимо разворачиваться связям между государством и рынком, должна укладываться в общеполитическое виденье, соответствующее требованиям XXI-го столетия.

Снова взять государство в лодку

В течение десятилетий бытовало расхожее мнение о том, что рынки могут саморегулироваться

и что политика есть правильной, если она не вмешивается в этот процесс. Ещё перед кризисом такое понимание критиковалось дальновидными наблюдателями, которые не поддавались ослеплению от страха перед мнимым отсутствием полноты компетенции в формировании также и экономических процессов. С крахом рынка в прошедшие года этот критический взгляд на неуправляемый капитализм превратился из периферийного явления в главный поток. Мельницы политики, однако, мелют медленно, и широко распространившееся сейчас в политике и публичном дискурсе мнение о том, что государство должно играть активную роль в регулировании рынка, до сих пор ещё в недостаточной степени нашло своё политическое выражение.

Социал-демократия должна инициативно разрабатывать новые политические концепты, которые усилят государство там, где оно сможет вызвать релевантные изменения. Краеугольные камни новых взаимосвязей между государством и рынком только тогда приобретают значимость, когда они прочно привязываются к совокупной социал-демократической стратегии прогресса и модернизации. Роль государства не только должна согласовываться с традиционными социал-демократическими ценностями, но также испытываться в контексте новых вызовов и возможностей, которые возникают вследствие глобализации, а также экономических и социальных изменений.

Принимая во внимание обширную академическую литературу в данной области и тот факт, что многие ведущие экономически ориентированные умы выступают за более сильную роль государства в контроле экономики, мы возьмём эту позицию за основу. Фундаментальный вопрос о том, должно ли государство осуществлять больший контроль над рынком, при этом, однако, остаётся без ответа. Вместе с тем, мы не разделяем тот взгляд, что государство снова должно взять на себя ответственность за все составные части экономики – хотя оно и не по доброй воле сделало это в значительной степени в банковской сфере – но полагаем, что оно должно сильнее отслеживать и контролировать рынок, чтобы проводить в жизнь интересы общественности, владельцев акций и даже, если это потребуется, самого рынка.

... но учитывать при этом его границы

Тем не менее, взаимосвязь между государством и рынком не требует фундаментального переосмысления. Драматическое изменение, подобное по своему охвату Годесбергской программе 1959 года или, например, французскому социалистическому эксперименту в 1980-х годах, не потребуется. Прошедшие десятилетия показали, что фундаментальное западное равновесие между рынком и государством даёт и то и другое: как максимально возможный уровень благосостояния, так и максимально мыслимую социальную безопасность. Радикальное смещение этого равновесия в пользу государства угрожало бы достигнутому благосостоянию и поэтому на долгое время подорвало бы базис полученной благодаря благосостоянию социальной безопасности. Отступление государства дальше, чем то, которое произошло в прошедшие десятилетия, привело бы к социальным затратам, не дающим пользоваться большим, но всё ещё неравномерно распределённым благосостоянием. Не говоря уже о том факте, что урезание публичных услуг, например, в области образования, парализовало бы долговременный экономический рост и конкурентоспособность. Мы твёрдо убеждены, что благосостояние и социальная стабильность, даже если при этом необходимо пойти на кратковременные компромиссы, могут долговременно сохраняться и процветать только в том случае, если действовать политически так, чтобы принимать в расчёт их взаимную зависимость. Социал-демократия должна отчётливо осознать в этом плане две возможные опасности: высокие затраты свободного рынка, который создаёт социальные перекосы, и цена, которую необходимо заплатить за доминирующее государство, которое подавляет креативность и свободное предпринимательство.

Более чем когда-либо задачей государства стало также оказание помощи капитализму в достижении успехов – вместо того, чтобы препятствовать его успехам, к которым он всегда стремился. Формы прошлых неудач рынка показали, что капитализм нуждается в регулировании для его же пользы, так как он во многих областях не способен саморегулироваться. Пристрастие рынка, например, к комплексным, даже для знатока трудно понимаемым финансовым инструментам, зовёт к созданию некоего (международного) финансового инспекционного органа, который смог бы реально оценивать риски самых разнообразных финансовых транзакций на предмет их воздействий на финансовый рынок и на экономику, а также препятствовать угрозам их функциональной способности. Дополнительно к этому

государство должно тщательно следить за тем, чтобы конкуренция была защищена, а тресты, картели и монополии не допускались. Для прогрессивного рыночного видения является существенным расценивать конкуренцию и конкурентоспособность, как положительную компоненту экономики, служащую интересам общественности и как достойную того, чтобы её защищать. Добросовестная и открытая конкуренция – которую капитализм тенденциозно часто сам подрывает – идёт на пользу общественности, так как получаемые отсюда налоговые отчисления гарантируют финансирование публичных услуг со стороны государства. Это не исключает перераспределения прибылей. Политический правый требует не конкурентно организованного, а ничем не ограничиваемого рынка, который должен предоставляться себе самому даже тогда, когда, например, возникают монополии: Этот тот самый феномен, против которого капитализм не имеет никаких внутренних защитных механизмов. Особенно в тех областях, в которых интервенция мало вредит эффективности рынка, государство должно стать упреждающим (возможными здесь являются налогообложение международного движения капитала, усиление наблюдательных советов, а также ограничение доходов менеджеров).

Мы полагаем, что прогрессивная политика должна занять (или сохранить) прагматическую позицию по отношению к государству: в рамках публичного управления, сознающего свою ответственность, политика и правительство должны креативно и предпримчиво обращаться с сохранением или расширением государственной ответственности. Вместе с тем, из сферы государственной ответственности должны быть вытеснены те области, в которых политика и правительство вероятнее всего есть и будут оставаться безуспешными. В русле преобладающего тренда мы полагаем, что государство как инструмент политики, нельзя перенагружать. Сквозные цели социал-демократии, к которым, среди прочего, относятся равноправие, равенство шансов и социальная солидарность, должны стимулироваться наилучшими имеющимися средствами.

Наша эпоха несёт с собой в известной степени бессилие государства, которым мы вынуждены довольствоваться. Во многих внутривнутриполитических процессах в особенности в экономической сфере, детерминируемых глобальными процессами, возможности вмешательства государства стали сравнительно слабее. По меньшей мере, на национальном уровне государство уже не может осуществлять контроль так, как это было всего несколько десятилетий назад. Нам нельзя совершать ошибку, полагая, что более сильное государство автоматически имело бы больший радиус действия или большее влияние; во

многих отношениях венгерское государство, огромное, но слабое и неэффективное – печальная иллюстрация этой ошибочной концепции.

Нам необходимо сохранять дистанцию нашего успешного отхода от фундаментализма и догматизма. Там, где, несмотря на реформы и улучшения, инструментарий государства потерпел неудачу, надо пробовать альтернативные инструменты (например, приватизацию с государственным контролем и / или финансированием, децентрализацию и т.д.). Социал-демократическое государство должно сосредоточиваться на тех областях, которые оно считает важными и в которых оно способно эффективно решать задачи. Это вовсе не означает, что государство должно отказаться от важных областей, только лишь из-за того, что у него, вероятно, отсутствуют пригодные в данный момент инструменты для преодоления его проблем.

Внутренне расколотое международное сообщество не может помочь людям

В самом деле, наилучшая возможность увеличить радиус действия государства – а также отвоевать часть своей потерянной в минувшие десятилетия власти – состоит в том, чтобы многие контрольные механизмы, которые отказали на национальном уровне, отдать международным и наднациональным институциям. В обязательном порядке необходимо, чтобы более высокая активность и регуляторная деятельность государства реализовывалась в международном масштабе, так как иначе те программы, которые финансируются без учёта глобального контекста, терпят крах, как это уже не раз случалось в прошлом. Высшее руководство корпораций и венчурных фондов принимает решения на основе чётко установленной глобальной перспективы и глобальных возможностей. Если государство желает сохранить (или отвоевать) свою действенность, оно также должно разрабатывать такие политики, которые учитывали бы этот образ мышления. Предложение Гордона Брауна обсудить налог Тобина в дебатах G20 является достойным похвалы примером такого подхода. Поэтому остаётся только сожалеть об её провале (будем надеяться, что временном). Неудача объясняется отчасти также и тем, что социал-демократия недостаточно репрезентирована в названном выше коллегиальном собрании.

В растущем числе сфер «эффективная национально-государственная политика» – это сочетание несочетаемого. Поэтому существует оправданный интерес к тому, чтобы усиливать международные и наднациональные институции. При этом, однако, необходимо предусмотреть, чтобы они не теряли из

виду «людей на местах», но концентрировались на тех, кому они служат, даже если такие институции дислоцируются далеко от этих людей. Последнее замечание, прежде всего, является задачей национальной политики, так как из опыта известно, что международные организации, даже если они «желают добра», имеют тенденцию к созданию своей собственной реальности. Они склонны к тому, чтобы без демократического нажима не воспринимать заботы и нужды избирателей. Вызывающая озабоченность непопулярность Европейского Союза в центральных и восточноевропейских государствах, которые лишь недавно стали его членами – печальное тому подтверждение. Социал-демократия должна быть силой, которая стремится к тому, чтобы на международном уровне проводить в жизнь законный интерес общественности к разумной экономической и социальной политике. Одновременно она должна обращать внимание на то, чтобы возникающая из этого политика служила бы фактическим потребностям людей, а не абстрактным идеям (не говоря уже о внутриорганизационных сомнительных интересах).

Новый проект для равенства в XXI-м столетии

Можно констатировать, что желаемая активность государства не может быть отделена от нашей целостной идеологической концепции для будущего. Это становится очевидным, если рассмотреть два аспекта, которые в этой связи играют весомую роль: равенство и модернизация. Здесь социал-демократии необходимо разбираться в изменяющихся концепциях неравенства и благосостояния, которые вырастают на почве социальной и экономической реальности наших современных обществ. Роль государства в устранении неравенства, созданного рынком, должна быть с ними соответствующим образом адаптирована. Параметры неравенства (и равенства) нельзя больше сжимать до материального смысла понятия, то есть наше понимание неравенства и реакция на него политики должны становиться более требовательными.

На кредитной стороне баланса находится то, что некоторые формы неравенства возникают из добровольно принятых решений отказа от равенства, за что граждане, в свою очередь, получают взамен иные преимущества и услуги. Это затрагивает некоторую часть – и ударение ставится здесь на слове «часть» – неравенства благосостояния и дохода в обществе не из системного распределения ресурсов, которые что-то навязывают индивидууму независимо от его предпочтений, а основывается в значительной мере на индивидуальных решениях. Индивидуумы могут

решать для себя, желают ли они поменять некий более высокий уровень материального благосостояния на определённый более высокий жизненный стандарт иного рода. В этом смысле социал-демократия должна уважать выбор индивидуумов и расширять своё понимание качества жизни так, чтобы учитывалось также и нематериальное устремление. Это свидетельствует о том, что уровень абсолютной бедности существенно важнее, чем мера относительного неравенства.

Тем не менее, расширенное толкование неравенства должно также вливаться в такое определение, которое учитывает, как неравенство проявляется также и по другую сторону дохода, а исходя из этого – какими дифференцированными способами оно должно компенсироваться. Собственно говоря, различия в образовании существовали всегда, однако их влияние на карьеру и жизненные шансы стало большим, чем когда-либо – и они во всё возрастающей степени становятся решающими для социоэкономического успеха. В то время как во второй половине XX-го столетия неквалифицированные рабочие в развитых обществах могли надеяться на то, что они могут достичь достойной зарплаты и статуса среднего слоя, а также сохранять их, то сегодня необразованные и недостаточно квалифицированные рабочие находятся под большой угрозой надолго остаться далеко позади. Растущее неравенство доходов является в большей мере следствием различий в степени образования, которые в целом могут и уменьшаться, но, тем не менее, оказывают на доход более сильное воздействие, чем это было ранее.

Созвучно с логикой таких взаимосвязей в социал-демократическом мышлении прошедших десятилетий произошёл сдвиг центра тяжести в постановке политических целей: прочь от равенства результатов – вперёд к равенству шансов. Равенство шансов есть наименьшим общим знаменателем в современных обществах. По меньшей мере, теоретически никто, ни с правой, ни с левой политической стороны, не будет опротестовывать важность и моральную легитимность стремления к равному распределению шансов (мы здесь сейчас не учитываем, действительно ли правые согласны, поручиться в этом смысле). Третий Путь по праву подчеркнул эту мысль в противовес традиционному социал-демократическому акценту на равенстве доходов или собственности. Равенство результатов остаётся достойной для достижения целью, однако в свете социоэкономических реалий социал-демократия должна быть готовой идти на компромиссы в отношении достижимого уровня равенства. При взгляде на классическую дилемму выбора между «большим пирогом, который делится не поровну» и «маленьким пирогом, который делит-

ся на равные части», социал-демократия решилась на большой пирог. Рассуждение выглядит так: даже если интенсивно растущая экономика способствует растущему неравенству, она более способна обеспечить новый низший слой работой (по-прежнему наилучшая единичная мера, чтобы предотвратить абсолютную бедность); да и государство получает большую свободу маневров, так как при этом возрастает его налоговый базис.

Этот подход нельзя путать с неким интеллектуальным соломенным чучелом «левого неолиберализма», которое многие самозванные инквизиторы левых выставляют в качестве пугала и располагают с нашей стороны политической осевой линии. Равенство – важно. Как любая другая желательная цель, стремление к равенству доходов и имущества содержит в себе целевые конфликты и, следовательно, требует компромиссов: в каждом релевантных прогрессивных дебатах дискутируется, до каких пределов возможен компромисс, а не то, надо ли скромно отказать традиционному, прогрессивному идеалу. Наиболее существенным является лучшее понимание связи между обеими концепциями равенства. Есть разные уровни и формы депривации, т.е. невозможности для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам, делающие бесперспективными любые старания государства установить равенство шансов. Растущий низший слой – феномен, терзающий многие развитые общества – страдает от ущемлений, которые едва ли сможет компенсировать даже наилучшая политика. Государство должно использовать ресурсы рынка и проводить интервенции, чтобы воспрепятствовать дальнейшему росту этого низшего слоя и в среднесрочной перспективе достичь того, чтобы он стал меньше. Есть достаточно областей, в которых государство может дать рынку импульсы – например, в сферах минимальной зарплаты, разумной политики занятости, защиты для наёмных работников и профсоюзов, чтобы воспрепятствовать обрушению последующих частей среднего слоя в депривацию.

Квадратура круга: Соединить модернизацию с равенством

Социал-демократия находится перед лицом такого вызова, что она, принимая во внимание государственные меры и политику, должна удовлетворять различные, иногда находящиеся между собой в конфликте потребности и требования широких слоёв населения с возрастающим демографическим разбросом по возрастам. Избиратели из сред-

них слоёв жаждут устойчивого существования. Его дефицит объясняет, по меньшей мере – частично, растущее недовольство Запада капитализмом, который в головах людей – по справедливости – увязывается с непостоянными рабочими местами, замедленными темпами повышения зарплат и т.п. Жертвы успешных капиталистических рассказов и системно обусловленных отбраковок наёмных рабочих желают, чтобы государство помогло им выбраться из их бедственного положения. Они знают, что рынок не интегрирует их без нажима или без помощи со стороны государства. И, наконец, молодые избиратели желают в первую очередь, чтобы государство и прогрессивные настроились на заботу об окружающей среде, на совместимость работы и семьи и т.п. Эти постматериалистические требования лишь на первый взгляд кажутся мало связанными с классическими вопросами безопасности существования, однако речь здесь идёт о вопросах, которые вызывают большую неуверенность: для молодого поколения загрязнение окружающей среды, совместимость работы и семьи являются теми проблемами, которые с полным правом вызывают страх перед будущим.

Нести в своих идеях и создавать безопасность, реагируя на эти страхи и смягчая их с помощью подходящих практических мер – это по-прежнему одна из основополагающих ответственностей социал-демократической политики. Выполнение законных запросов и требований людей относительно обеспечения достоверности планирования, калькулируемости, надёжности, преемственности и т.п. (требования, рациональность которых понятна без обиняков любому хозяйствующему субъекту), вызывает необходимость различного вида интервенций на рынок. Некоторые из таких возможностей мы кратко представили выше. Однако государство создаёт долгосрочную безопасность также и тем, что оно подготавливает индивидуума и в равной степени общество к будущему. По-прежнему остаётся верным утверждение о том, что самая успешная политика в области рынка труда одновременно также является самой эффективной социальной политикой. Верно также и то, что наилучшая политика в сфере образования будет самой успешной политикой на рынке труда. Образование – это одна сфера, а окружающая среда и продвижение в сторону «зелёного государства» – это другая сфера, в которых социал-демократия может наилучшим образом комбинировать свою заботу о росте занятости и свои обязательства по прогрессу. Обе сферы являются такими, в которых государственное стимулирование особенно полезно для рынка, так как при ориентации рынка на быстрое получение прибылей оказывается невозможным с полной отдачей заниматься зелёными технологи-

ями. Предоставляя стимулы для создания «более зелёной» экономики, государство может заложить фундамент инвестиций, которые в последующие десятилетия обеспечат большее число рабочих мест и стабильный экономический рост. Локально ли или глобально, государство должно оказывать регулируемую и финансовую помощь при развитии «зелёных» индустрий. Социал-демократия должна взять в свои руки инициативу содействия «зелёному государству», так как такое государство во всех смыслах является ключом к нашему будущему: оно заботится о преемственном развитии и очерчивает ту область, в которой будут совершаться инновация и экономическая экспансия в XXI-м столетии.

Однако лучшие цели и планы мероприятий останутся чисто иллюзорными, если не будут сочетаться с политическими действиями и общением, которые трансформируются в голоса избирателей, открывающих доступ в правительство. Именно здесь, более чем в политических программных целях, заключается самый большой дефицит социал-демократии.

РЫНОК И ГОСУДАРСТВО: ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Марк Уикхем-Джонс

В своей программной работе «Кризис и перспективы» (*«Der Krise Perspektive geben»*. В украинском переводе Сойко И.В.: *«Криза і перспективи»*. — К.: Заповіт, 2009.) Анке Гассель ярко и с заинтересованностью отображает трудности, в которых в настоящий момент должны разобраться европейские социал-демократы. В приложение к точному и широкому анализу она показывает, в какой форме можно было бы решить эти специфические проблемы. Многое здесь является убедительным и приемлемым, особенно в панъевропейском ракурсе. Я, однако, менее уверен, учитывает ли её представление особенность ситуации, в которой сегодня находится британская Лейбористская партия (*Labour Party*). Я полагаю, что в этих особенностях отражаются, как нынешняя травма, так и отличающийся от других стран курс, которым социал-демократия в Великобритании шла последние сто лет.

Не вызывает никакого сомнения то, что финансовый кризис в течение последних лет и взаимосвязанная с ним экономическая рецессия имеют важные последствия для европейской социал-демократии. Неудача регулирующих рамочных условий, как в США, так и в Европе указывает на значимые слабые места в том типе неолиберальной программы, которая воплощает нечто вроде господствующей идеологии в экономической политике. Глобальная неудача в банковском секторе и выросшие из неё рецессии в совокупности наглядно отображают главные изъяны концепции саморегулирующихся и самокорректирующихся свободных рынков. Я понимаю Гассель так, что она, кроме всего прочего, делает вывод о том, что из-за кризиса обнаружилась ограниченность модели, которая была развита новой Лейбористской партией (*New Labour*) после её возвращения к власти в мае 1997 года — подхода, который позднее был также принят многими другими европейскими социал-демократами, пусть даже и в сильно изменённой форме (нагляднее всего, естественно, немецкой СПГ). Эта модель не только предлагала непривлекательные закулисные игры в «купи-продай», так как вместе с ней в пользу материального роста было одобрено возрастающее неравенство. В конечном итоге выяснилось, что обещанных экономических преимуществ вообще невозможно получить. Сверх того, Гассель внушает, что модель с самого начала по техническим причинам избирательной кампании была под угрозой.

Где же оказалась социал-демократия перед лицом такой ситуации? Гассель исследует целый ряд

путей, по которым с пользой для себя могли бы пойти социал-демократы. Одной из возможностей было бы развитие варианта шведской модели, основанной на тех диалогах между работодателями и профсоюзами, в которых разрабатываются такие темы, как образование и повышение квалификации, охрана труда и публичные инвестиции. Другой возможный подход подчёркивает координацию мероприятий на европейском уровне. Я понимаю Гассель так, что она в обоих этих подходах видит довольно эффективные творческие импульсы, но, тем не менее, тоже расценивает, как проблематичные. Ограниченность первого подхода — подражание скандинавским образцам — в том, что есть факторы, которые являются специфически шведскими и которые в других местах не так легко можно обнаружить или воспроизвести. Во втором подходе попытка скоординированной акции на европейском уровне ограничивается трудностями, которые всё чаще возникают в связи с широкомасштабными коллективными акциями на стороне автономных национальных игроков. Поэтому Гассель предлагает, чтобы социал-демократы озадачились не только инициативами такого рода, но также и составляющими национальных моделей и коалициями для участия в выборах, которые подкрепляют их проект. Немецкая модель социального рыночного хозяйства содержит довольно мало прецизионных отправных точек для определения того, какую форму мог бы принять её реформизм. Она, однако, содействует сильному гражданскому обществу, и возможно предположить, что политические требования, подогреваемые гендерным неравенством и материальными несправедливостями, будут сохраняться и в дальнейшем. Социал-демократы могут реагировать на это тем, что они возьмутся, с одной стороны, за реформы менеджмента и за развитие прав участия в принятии управленческих решений и, с другой стороны — за улучшенные услуги государства. Через такой проект — согласно её предложению — можно было бы с помощью социальных партнёров, руководителей предприятий, действующих с полным осознанием своей ответственности, а также путём привлечения среднего класса достичь социал-демократической коалиции.

Британский случай

Как уже было упомянуто, многое в этой трактовке у Гассель является убедительным. Британский случай подтверждает её критику существующей

экономической идеологии: посреди возрастающего дисбаланса и недостатков большая часть экономического роста в Великобритании представляется основанной на спекулятивном владении и пузырях на рынке акций. Выросший из этого хозяйственный кризис и его последствия не смогли быть убедительно преодолены новой Лейбористской партией (*New Labour*). 6-го мая 2010 года новая Лейбористская партия (*New Labour*) после тринадцатилетнего периода правления была забаллотирована. Новый консервативный премьер, Дэвид Камерон, должен теперь со своим партнёром по коалиции – либералами во главе с Ником Клеггом – найти и воплотить в жизнь концепцию, которая по причине её чрезвычайных бюджетных ограничений не воодушевит его избирателей. Намеревается ли и в какой мере новое правительство продвигаться к центру проблем, т.е. к британскому банковскому сектору – остаётся только ждать. Я, однако, не уверен, охватывают ли рассуждения Гассель весь масштаб или полноту трудностей, которые угрожали и угрожают социал-демократии в Великобритании. Фактические воздействия банковского кризиса и спада на реформизм сильно детерминированы национальными обстоятельствами. В Соединённом Королевстве финансовая дилемма особенно серьёзна из-за сильно задолжавшего британского банковского сектора – той нагрузки, которая сделала и будет делать необходимыми массивные финансовые вливания из публичных средств, чтобы обеспечить финансовый базис хозяйственной системы. Существенно даже не то, что до последних выборов кризис здесь был жёстче, чем во многих европейских обществах. Для многих он напрямую был связан с политикой и идеологической направленностью лейбористского правительства. Крушение началось после того, как партия уже примерно в течение десятилетия была в правительстве – самого долгого периода её непрерывного правления. В это время Лейбористская партия развила – при взгляде на меры по финансовому управлению и контролю – чрезвычайно пассивный подход.

Сверх того, как отмечает Гассель, Гордон Браун в качестве Канцлера казначейства ставился в тесную связь с утверждением о том, что путём введения этих новых рамочных условий правительство прекратит пиковую цикличность бумов и банкротств. Здесь в глаза бросается целый ряд моментов. Во-первых, – не важно, правильно это или ошибочно, ставить новой Лейбористской партии (*New Labour*) в вину банковский кризис – является очевидным то, что в головах многих избирателей сохраняется всё ещё сильная связь между правительствен-

ной политикой и нынешней рецессией. Конечно же, трудности новой Лейбористской партии (*New Labour*) перед выборами имели множество причин, например, длительный скандал вокруг компенсаций расходов депутатам и вокруг некоторых малодушных действий важных министров. Однако и экономические причины, которые привели к безразличию избирателей по отношению к последнему правительству, нельзя недооценивать. Во-вторых, такие утверждения, как, например, о том, что с пиковыми циклами бумов и банкротств будет покончено, а также расхваливание регулирующих рамочных условий выглядят в ретроспективе в лучшем случае самонадеянными и дерзкими. В наихудшем случае они иллюстрируют фундаментальную некомпетентность и чрезвычайную неудачу при попытке справиться с экономикой. В-третьих, объём социальных пакетов спасательных средств и вытекающее отсюда погашение долгов будет на долгие годы определять каркас государственной политики в Великобритании. Последний пункт является особенно релевантным. Новое консервативно-либеральное правительство, также и в том случае, если бы ему удалось опять вернуть буксующей британской экономике сцепление с грунтом, будет измеряться ожидаемыми большими повышениями налогов и возвратом долгов – обе очень непопулярные меры. Реконструирование названной коалиции, однако, должно будет происходить в других рамочных условиях. Будет ли оно совершаться труднее или легче, чем правящей (принимающей участие) социал-демократией – покажет будущее.

Гассель называет средний слой значимой частью социал-демократической коалиции. В случае с Великобританией его участие в новой ориентации, обусловленной выборами, могло бы быть чрезвычайно затруднено из-за ожидаемых в ближайшие два года массивных повышений платы за обучение в университетах, а также из-за дальнейших повышений налоговой нагрузки. Лейбористы, как оппозиционная партия, теперь больше не облечены правительственной ответственностью, чтобы повышать эту плату за образование. Однако же своя собственная широкая свобода действий не освобождает оппозицию от того, чтобы занять такую позицию по вопросу финансирования университетов, которая была бы в господствующих в настоящее время ограниченных обстоятельствах достаточно убедительной. Жёстко говоря, электорат из средних слоёв ещё больше мог бы отчуждаться также и от действующей в оппозиции лейбористской партии.

Особенность лейбористов

Мои сомнения в способности лейбористов пойти по пути, сформулированному Анке Гассель обусловлены не только тем, насколько сильно партия обременена нынешним хозяйственным кризисом и своей недавно пережитой потерей власти. Они показывают, что лейбористы в известном смысле являются неординарной и атипичной социал-демократической партией, то есть, партией, которая с большим трудом идёт на то, чтобы учиться на опыте, полученном в иной стране и вступать в содержательный диалог с другими реформистскими организациями. Представление о том, что лейбористы являются очевидным особым случаем в семействе европейской социал-демократии, сложилось уже давно. Оно имеет в себе нечто от карикатуры, которая восходит к созданию партии на рубеже двадцатого столетия. Её особенности были хорошо подмечены в появившейся в 1929 году книге Эгона Вертхаймера «Портрет британской партии рабочих» (*Portrait of the Labour Party*) и с тех пор часто повторяются. Вертхаймер, лондонский корреспондент «Вперед» (*Forward*), подчеркнул, как сильно лейбористы отличаются от других реформистских партий в общем плане. Исследования последних лет, собственно говоря, оспорили это утверждение: Тем не менее, остаётся в силе понятный и широко распространённый аргумент, приводящий к выводу о том, что лейбористы далеко удалены от главного потока европейской социал-демократии. Я придерживаюсь мнения, что, несмотря на трудности классифицирования индивидуальных прецедентов, как экстраординарных, есть веские основания рассматривать лейбористов, как атипичный случай. Позиция лейбористов по отношению к государству и нации, их связь с профсоюзами, а также их позиция по отношению к теории и эмпирике резко контрастируют с позициями континентального реформизма. Правда, в процессе развития партии узколобая позиция изменилась. В особенности под руководством Нейла Киннок в 1980-х годах партия очень сильно ориентировалась на основной европейский поток. Однако, в общем и целом партия была особым случаем.

Наряду с отчётливыми культурными и историческими признаками в курсе лейбористской партии за пределами главного потока европейской социал-демократии отражаются существенные различия, которые имеются между британской экономикой и тем, что можно было бы вероятно обозначить как типично континентальная модель. Доминирование финансового капитала и значение имперского прошлого Великобритании общеизвестно. Релевантнее

для социал-демократического проекта является, вероятно, то, что взаимосвязи «работодатель – наёмный работник» для большей части последнего столетия могут характеризоваться, как конфронтационно активные, ясно очерченные и классово ориентированные. Естественно, что в противоположность к некоторым другим успешным социал-демократическим системам государственности едва ли имела место традиция компромисса или переговоров, не говоря уже о соучастии в управлении. Британская система профсоюзов часто определяется через её автономную позицию и фиксированность на тарифной автономии. Такая позиция сформировала также курс рабочего движения по отношению к экономической политике, причём достижению сиюминутных целей путём якобы весьма антагонистического поведения отдавался приоритет. Поэтому дискурс о стейкхолдерах, который многими европейскими социал-демократами приветствовался с распростёртыми объятиями, тоже не нашёл отклика. В январе 1996 года в Сингапуре Тони Блэр, как лидер оппозиции, потребовал: «Нам нужна страна, в которой мы рассматриваем в качестве коллективного обязательства обеспечение того, чтобы каждый гражданин получал свою долю, то есть обеспечение экономики совладения (*Stakeholder Economy*)». Из этого предложения кроме получения высокой оценки, как переломного момента в эволюции партии, в дальнейшем ничего не вышло, и так же быстро, как они были начаты, разговоры о стейкхолдинге снова исчезли из дискурса Лейбористской партии. В этом плане показательно, что Дэвид Соскис, близко стоящий к проекту Блэра» учёный из Оксфорда, опубликовал в журнале *Prospect* безжалостное опротестование применимости немецкой модели к Соединённому Королевству. По мнению Соскиса, для подражания такому формату в британском капитализме просто-напросто не существует необходимых институциональных основ. Да и так или иначе, немецкая модель в важных областях недостаточно динамична и исключает женщин из участия на рынке труда: Британские реформисты не должны стараться копировать такой формат. Несколько поборников континентальной социал-демократии всё же есть, и, прежде всего, впереди всех – журналист Уилл Хаттон в своей книге «Мир, в котором мы живем» (*The State We're In*). Однако их влияние на лейбористскую партию с середины 1990-х годов минимально.

Такие заботы – не новы. В исторической ретроспективе лейбористы всегда очень скептически относились к демократизации рабочего мира и к проектам типа стейкхолдинга. Многие ведущие личности движения, особенно среди профсоюзных лидеров,

полагали, что из-за этого подвергаются опасности исторические цели партии и размывается классовая принадлежность. Лейбористы действительно модифицировали свою радикальную повестку дня, и сегодняшние британские профсоюзы менее активны в плане конфронтации. Однако такое развитие не увязывалось с вопросами сопричастности к управлению. Ни в прошлом, ни сейчас концепция «социального партнёра» никогда не дискутировалась в партии, как приоритетная.

Гассель предполагает, что воссоздание сопричастности в принятии решений между социальными партнёрами смогло бы создать базис для своего рода социал-демократического обновления. Теоретически – это привлекательная перспектива. Однако в Великобритании отсутствует традиция для таких аранжировок. И ещё более весомо то, что лейбористы в своей истории большей частью вели уничтожительную критику такой практики и пришли к выводу, что в таком виде требования организованных рабочих будут просто кастрированы. Единичные ссылки, которые я нашёл в архивах партии по вопросам сопричастности в принятии решений – непреклонно отвергающие, и именно всё, что касается как общих принципов, так и специфических особенностей немецкого прецедента. Так как историческое непризнание партией принципа сопричастности в принятии решений остаётся в силе, то нынешняя действительность ослабевшего и раздробившегося профсоюзного движения указывает на признаки того, что такой проект имел бы мало шансов на будущее. Британские профсоюзы в настоящее время имеют малое влияние и вообще не имеют никакой власти на рабочем месте. Ввиду атомизированных традиций индустриальных связей работодатели питают мало склонности или мотивации для того, чтобы предлагать незаинтересованному персоналу концепты сопричастности в принятии решений.

Связь Лейбористской партии с близко стоящими к ней профсоюзами остаётся чересчур двусмысленной. Многие профсоюзы были чрезвычайно разочарованы откровенно неолиберальными аспектами последней правительственной программы. Однако они относятся к крупным денежным донорам партии. Договор 2004 года в Варвике – попытка формализовать политические требования организованного рабочего класса к своим политическим партнёрам – позволяет увидеть, что многие профсоюзы по-прежнему считают для себя более приемлемым идти политическим путём, чем договариваться через участие в принятии решений. Переговоры в Варвике симптоматичны для позиции британской социал-демократии. Дается понять, что политические средства более пригодны и

более желательны, чем подходы, базирующиеся на сопричастности в принятии решений.

В последние десять лет своего правления лейбористы мало что предпринимали для того, чтобы улучшить связи с европейскими социал-демократами или адаптироваться к существующим структурам европейских экономических систем. В речи перед Партией европейских социалистов примерно через месяц после победы 1997 года на выборах в Палату общин Тони Блэр открыто и провокационно задал тон, заявив, что «мы модернизируемся или погибнем». В вопросах политики лейбористы остаются резистентными по отношению ко многим панъевропейским инициативам; наиболее рельефно это проявилось, конечно, когда они отклонили британское членство в европейском валютном союзе. В своей идеологической ориентации партия часто занимала националистическую позицию, которая в течение последних лет стала более интенсивной. Требование Гордона Брауна «Британские рабочие места – для британских рабочих» придало шовинистской точке зрения выражение, граничившее с ксенофобией. Часто наилучшим из того, что могли предложить лейбористы, было мнение о том, что европейские реформисты могли бы и поучиться как-то на британских успехах. В своей речи в Мэншен-хаусе в 2006 году Гордон Браун противопоставил исторической медлительности Европы динамику и либерализацию, которые форсируются Великобританией. В этой связи, вероятно, имеет значимость реферат «Хорошее общество» (*Die gute Gesellschaft*) – письменное резюме, подготовленное совместно Джоном Крэдасом, лейбористом-членом Парламента и Андреа Налес, ведущей представительницей СПГ. Резюме предлагает целый ряд намного более конкретных предложений в качестве «новой середины» (*The Third Way / Die Neue Mitte*), чем довольно пресное резюме Тони Блэра и Герхарда Шрёдера, представленное в июне 1999 года.

Узколая ориентация лейбористов имеет, по моему мнению, существенные последствия для предложения Гассель по восстановлению европейской социал-демократии. Проблемы, которые она перечисляет, подтверждаются в том случае, если либо общеевропейская кооперация, либо шведская модель предоставят основы для такого проекта. Однако и при их альтернативе есть принципиальные трудности. Лейбористы снова проявили полнейшую антипатию, когда речь зашла о том, чтобы учиться у других реформистских партий. Кроме того, структурные фундаменты, на которых смогла бы расцвести воссозданная социал-демократия, в Великобритании, вероятно, отсутствуют.

Так или иначе, но нет уверенности, существует ли вообще базис для оживления гражданского общества. Несомненно, что некоторые индикаторы указывают на убыль социального капитала (в особенности среди молодёжи и среди тех, кого можно было бы отнести к рабочему классу): сюда относится, например, меньшее участие в выборах, ослабевающее доверие к общественным деятелям и к общественным институциям. Эти признаки, однако, являются мало показательными, так как такому сокращению противопоставляется увеличение социального капитала в других местах. Тем не менее, этот прирост частично сказывается, чаще всего, вовсе не на социальных и политических сетевых системах, которые определяют сильное гражданское общество. Так, социальный капитал в Великобритании может сегодня быть намного многослойнее и поляризованнее, чем в прошлом, так как раздробленные группы конкурируют между собой. Кроме того, общественное участие в течение последнего десятилетия могло быть подорвано, с одной стороны, господствующим антилиберализмом многих инициатив лейбористского правительства, а, с другой стороны, неудачей старого правительства при попытке противопоставить положительную альтернативу высказываемой экстремистами в последние годы критике существующих социальных сетевых систем. Мультикультурализм и толерантность – определяющие индикаторы гражданской активности – производят сегодня особенно уязвимое впечатление. Лейбористы, так видится в настоящее время, вернулись на квазисксенофобную позицию, основанную на трудно понятном и плохо определяемом представлении британского бытия. Неспособность старого правительства разработать единую стратегию защиты мультикультурального подхода может быть поставлено во взаимосвязь с победой экстремистских партий на выборах – в первую очередь Британской Национальной партии (*British National Party*).

В Германии европейская социальная модель хорошо понимается и ценится. В Великобритании, напротив, имеет место приверженность к отдельным аспектам социального государства. Наиболее бросающимся в глаза примером является Национальная Служба Здравоохранения (*NHS*). Здесь есть два противопоставления: общество против государства, а также модель против деталей. Во-первых: в Германии видна склонность к потенциально социал-демократической модели, которая прочно укоренилась в обществе. В противоположность этому в Великобритании намного более популярным атрибутом реформизма выступает предоставление универ-

сального социального обеспечения государством. Укоренённость в обществе отсутствует. Во-вторых: в Германии модель понята, ценится и защищается как целостная единица. В Великобритании имеется мало понимания того, что могла бы обусловить социал-демократия. Поддержка концентрируется на одном аспекте. Далее, привязанность лейбористов к социальному государству является, прежде всего, исторической рефлексией того, чего партия достигла в прошлом.

Причина упущения лейбористов по разработке дефиниции и понимания социал-демократии заключается, по моему мнению, в недостаточном определении своей идентичности. Антипатия партии к европейскому реформизму не отражает последовательную позицию. Гассель в сделанном ею анализе особенно подчёркивает Третий Путь, как чёткую модель, которую приняла партия под руководством Тони Блэра. По моему мнению, она слишком убедительно представляет Третий Путь, как последовательную программу, которая основывается на продуманных принципах. Конечно же, Блэр и некоторые из его окружения попытались с помощью Третьего Пути создать теоретическую поддержку лейбористской программы. Однако те ценности, которые они проецировали, были ни к чему не обязывающими и непоследовательными. Понятие «Третий Путь» применялось в целом ряде разнообразных взаимосвязей, а его значение интерпретировалось очень широко. Причинная связь между вялыми ценностями Третьего Пути и конкретными политическими инициативами никогда не закреплялась. Идея нашла мало политической поддержки в Лейбористской партии, несмотря на разнообразные попытки Тони Блэра оживить эту идею, и, в конечном итоге, она не произвела никакого эффекта в социал-демократическом дискурсе внутри Великобритании. Примечательно, что Гордон Браун никогда не применял это понятие – ни будучи Канцлером казначейства, ни как премьер-министр. С началом своей деятельности в качестве Канцлера казначейства Браун разработал вместо него насквозь прагматический подход для государственной политики, в котором мероприятия оценивались в зависимости от достижения их специфических целей. Неолиберальные инициативы лейбористов были результатом эмпирического взгляда на вещи, при котором политика разрабатывалась и оценивалась на основе её результатов, вместо того чтобы измеряться ценностями, которые могли бы лежать в её основе. В соответствии с этим у британской лейбористской партии меньше понимания своей собственной идентичности, чем у других европейских социал-демократов.

Выводы

Я полагаю, что Гассель права, когда она подчёркивает, с одной стороны, важную роль ряда неравенств, которые содействуют реформизму, и, с другой стороны, необходимость гибкого похода при разработке социал-демократических требований. К теме неравенства в политической повестке дня перед последними выборами в сложившихся условиях электро-ально-политической и экономической восприимчивости надо было подойти с осмотрительностью: конечно, изменения в налогообложении внушали мысль, что в Великобритании была поддержка такого рода предложений. То, в какой мере результаты выборов засвидетельствовали ошибочность и этого внушения, остаётся вопросом для рассмотрения. Значимость, которую Гассель придаёт поддержке высококачественных услуг, как части реформистского пакета, тоже заслуживает похвалы. Такие меры могли бы быть эффективно привязаны к последовательной программе, в основе которой лежит теория коллективного действия, чтобы предоставлять в распоряжение существенные общественные блага и услуги в соизмеримых масштабах. Великобритании в последние годы, конечно, не доставало такого фундамента. В поздние 1980-е и ранние 1990-е года лейбористы извлекали выгоду из европейского опыта при обсуждении стратегии, основанной на коллективном действии, чтобы исправить неудачи рынка. В сочетании с обязательством по социальному страхованию такая точка зрения предлагает возможность оправдания для государственных интервенций, когда речь идёт о том, чтобы предоставлять высококачественные публичные услуги. Эд Милибенд недавно обрисовал, какую форму могла бы принять такая программа.

Я думаю, однако, что возникли бы трудности, если бы лейбористы попытались точно пойти по пути, предложенному Гассель. Переработанная концепция стейкхолдинга смогла подготовить некоторый потенциал для Германии, но для Великобритании трудно представить, что такой путь мог бы функционировать.

Я не могу себе представить, что лейбористы смогут до следующих выборов 2014 года создать тот вид электро-ально-политической коалиции избирателей из средних слоёв, социальных партнеров и поддержки со стороны предприятий, которые Гассель рассматривает, как осуществимый в других странах. Между этими группами есть очевидные напряжённости. Многие избиратели из среднего класса питают в настоящее время глубоко засевшую антипатию к лейбористам. Не отвергая категорически такую

поддержку на выборах, партии лучше надо было бы переместить акцент на то, чтобы оживить своё деятельное выступление за экономический рост в преобладающей окружающей среде и преодолевать неравенства.

В этой связи было бы неправильно делать вывод о том, что стратегия новой Лейбористской партии (*New Labour*) в последние годы была прямолинейно неолиберальной. Как было признано, отдельные аспекты работы правительства явно ориентировались на рыночно-политическую перспективу. Другие элементы, напротив, были, социал-демократическими. Несомненно, что некоторые меры лейбористского правительства – например, налоговые льготы и другие бюджетные реформы – содержали в себе эффект перераспределения. Более того, несмотря на риторическое отвержение такого подхода, элемент повышения налогов с целью увеличения государственных расходов (*tax and spend*) в поведении старого правительства оставался узнаваемым. Лейбористы осуществляли интервенции в ряде случаев, чтобы эгалитарной тенденцией исправить неудачи на рынке. Сверх того, подчёркивая работу в смысле этой стратегии, правительству лейбористов удалось найти меры, чтобы достичь большего приятия в частях электората из среднего слоя. Иногда лейбористы в их поддержке равенства и предоставления публичных услуг чувствовали себя явно дискомфортно. Однако дискурс, внутри которого такие меры были узаконены, изменился после финансового кризиса: возможности проговаривать такой подход и далее сохраняются для партии также и в качестве партии оппозиции. В таких обстоятельствах для лейбористов должно было бы быть возможным придать больше значимости темам «производство» и «услуги» (за счёт финансового сектора). Фактически знак для такой ориентации имел место уже на конференции лейбористов в 2009 году: часто повторяемой мантрой Питера Мендельсона было то, что производство в Великобритании имеет большую долю в валовом социальном продукте, чем во Франции.

Несмотря на очевидную схожесть некоторых своих основополагающих экономических мер, здесь заметны отчётливые различия между лейбористской партией и консервативной партией Дэвида Камерона. У лейбористов сейчас есть шанс, находясь в оппозиции, выработать свою самостоятельную современную идентичность, в которой существенную роль играли бы такие темы, как «социальная корректность» (консервативные устремления по поводу реформ налога на наследство по-прежнему благоприятствуют имущим) и «государственное попечение» (в области публичных услуг). После парламентских вы-

боров для лейбористов оказывается также возможным, занять более выраженную и более позитивную позицию по отношению к Европе. Уже финансовый кризис открыл контекст, в котором панъевропейское сотрудничество видится как более релевантное и более осуществимое, чем это было в последние годы. Тем не менее, хотя обе главные политические партии имеют много общего в их взглядах по вопросам экономики, различие на практике является очевидным. Обе партии обязались действовать в пользу антиинфляционных рамок и возврата долгов. Но возможности консерваторов двигаться умеренным курсом и одновременно придерживаться базиса жёсткой линии в электорате будет подвергаться в повседневной политической жизни жёстким испытаниям.

Для лейбористов является важным разработать собственную идентичность и этим установить коррелятивные принципы, на основании которых могут быть позиционированы и оценены их программно-целевые предложения. Такие разработки не должны ограничиваться только экономическими вопросами. Сейчас в партии преобладает намного больше общего согласия по поводу неприятностей британской избирательной системы, чем это было до сих пор. Британские парламентские выборы базируются на простом мажоритарном избирательном праве, согласно которому побеждает кандидат, получивший большинство голосов избирателей. Последствия мажоритарной системы выборов, построенной на относительном большинстве, могут стать причиной сильнейших искажений и ставят под сомнение демократичность процедуры. В 2005 году лейбористы, набравшие всего лишь чуть более 35% голосов, получили 350 мест и, тем самым, уверенное большинство в Палате общин. Консерваторы при отставании чуть меньше трёх процентов добились менее 200 мест. Если учесть явку избирателей, составившую чуть более 60 %, то лейбористы получили немного более, чем каждый пятый голос избирателей. После многолетних разногласий внутри лейбористской партии сейчас едва ли ещё есть поддержка такой системы. Гордон Браун дал понять, что существует потребность в реформах, однако предложенное им направление многих не обрадовало. Поэтому последние парламентские выборы предоставили партии возможность, потребовать фундаментальную реформу избирательной системы. Новая избирательная система была бы не только демократичнее. Она указала бы лейбористам новый путь ведения политики, при которой переговоры и компромиссы стоят на переднем плане. Реформа избирательной системы могла бы способствовать развитию такого вида прогрессивного и эгалитарного курса, при котором лейбористы могли бы процветать.

«ВНЕШНЯЯ ПЕРСПЕКТИВА»: РЫНОК, ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЮЖНОЙ КОРЕЕ И ЯПОНИИ

Ханнес В. Мослер

Концепция социал-демократии зародилась в совершенно определённом геополитическом и историческом контексте, которого сегодня уже больше нет нигде в мире. Это один из очень важных аспектов подоплёки постулируемого кризиса первоначальной социал-демократической модели. Крах сверхкомпромиссного Третьего Пути – наглядная тому иллюстрация; в нынешнем кризисе мировой экономики неолиберальная идеология окончательно проявилась, как ложный путь. Вопрос о новых идеях и концепциях является выражением признания этих обстоятельств.

Хотя Южная Корея и Япония в сравнении с Европой расположены геополитически и исторически совершенно иначе, и здесь столкнулись сегодня с весьма похожими проблемами, например, по вопросу об альтернативной концепции взаимоотношения рынка, государства и (гражданского) общества. В чём заключаются неотложные проблемы и вопросы текущего момента в Восточной Азии, и как их там решают?

Робкие общественно-политические и политэкономические подходы, которые сейчас вырисовываются, выражаются – несмотря на азиатскую сдержанность – ясным языком. Без обиняков обсуждается, что дальше так дело не пойдёт. Выдвигается требование решительного поворота. Молодое поколение ставится в центре осознания проблем, из сферы острой критики не исключается даже обычно из уважения оберегаемое от неё поколение стариков. В то же время, с учётом идеи защищаемого солидарного общества, людям значительно менее трудно акцептировать сильное государство, которое заботится о благополучии населения, ставя рынок в определённые рамки. Открытые требования изнутри общества, которые совсем недавно отчётливо отразились даже в результатах выборов – справедливая политика распределения, эмфатическое солидарное общество и принимающее за это на себя ответственность сильное государство – составляют в совокупности те представления, которые в Южной Корее и Японии видят, как рациональные альтернативы. Однако предпосылкой для их функциональной реализации было бы сравнительно эффективное оказание влияния гражданского общества на взаимоотношения между государством и рынком.¹

1 В силу показанной конвергенции структурных проблем настоящего не удивляет, что названные Гассель (2009) «три источника ... должны использоваться в интересах новой формы сотрудничества гражданского общества, экономики и политики» также и в Восточной Азии.

Восточная Азия – это модель?

Когда речь заходит о «восточноазиатской модели», подразумеваются Южная Корея и Япония. Скорость экономического развития этих обеих стран долгое время была захватывающе стремительной. И при этом, несмотря на динамику и скорость, удавалось довольно хорошо сохранять социальную спаянность. Хотя государственные издержки на социальную политику были относительно низкими, уровень обеспечения здравоохранения и образования населения смогли быть сильно улучшены, были введены универсальные социальные системы безопасности, а также смогла быть обеспечена публичная безопасность. За счёт этого страны Восточной Азии отчётливо выделялись не только в своём регионе, но и в международном масштабе.

Разговор об «успешной модели Восточной Азии» является недоразумением², которое зародилось уже давно и всё снова и снова предлагается для всеобщего обозрения в виде таких подходов, как «конфуцианский капитализм», «азиатские ценности» или «Модель – Восточная Азия». Когда в 1970-е годы в Западной Европе и Северной Америке страдали от мизерных показателей роста и взлетающих цифр по безработице, а также от всё больше растущих гор государственных долгов, то на Восточную Азию смотрели, чтобы на её диагнозе убедить себя в том, что недуг следует искать в затратной модели государства всеобщего благосостояния. Это служило одним из компонентов оправдания нового понимания государства à la Рейган и Тэтчер. Родился тезис о «конфуцианском капитализме»³. При всём при том, что

2 Сравни: Heide 1997a.

3 Был выдвинут тезис о том, что в Восточной Азии существует модель капитализма, которая восходит к конфуцианским ценностям и которая, прежде всего, выражается в дисциплине, прилежности, послушности рабочих своему начальнику и в тотальном коллективном сознании. Этим тезисом как инструментом пользовались двояко: с одной стороны, можно было вызывать заклинаниями духа «жёлтой опасности», то есть «чужого», что оправдывало необходимость повышения собственной конкурентоспособности; с другой стороны, привносились одновременно необходимые для этого содержательные преимущества в форме институционализации выполнения ещё большей работы на всё более худших условиях (сравни: Lee 1997, 31 стр. и дальше; смотри также: Kulessa 2001).

общества, сложившиеся по конфуциански, до этого момента всегда аттестовывались, как имманентно неспособные к цивилизованному развитию, теперь их успешную судьбу представляли как заклинание, чтобы на ней учиться, если не желаешь идти ко дну. О XXI-м столетии говорили даже, как о «столетии Восточной Азии». Хантингтон своим тезисом «столкновение цивилизаций» (Clash of Civilizations) придал этой мнимой угрозе пугающее лицо, на которое можно было бы предложить смотреть «скептикам» для их устрашения.⁴

С наступлением так называемого азиатского кризиса 1997/98 гг. рухнула мечта об успешной модели Восточной Азии. Японские двузначные цифровые показатели экономического роста начали останавливаться в 1960-х годах, а в Южной Корее – в 1970-х годах. Прежде всего, дзайбэцу (zaibatsu) Японии и чэболь (jaebeol) Южной Кореи, то есть управляемые семьями крупные концерны⁵, поддерживали настроение своих служащих принципом старшинства по возрасту и перспективой на пожизненный найм. В 1990-х годах, однако, стремительный рост начал стагнировать,

цифры по безработице начали идти вверх, а число нерегулярных или прекарных (prekär) трудовых отношений увеличиваться.⁶ Так же, как в исторических, и в новых дебатах о предполагаемых мнимых ценностях Запад был разочарован – «Альтер-эго», которое себе надумали, не существует, или, по крайней мере, существует, но не такое. Собственно говоря, Южная Корея возвращала кредиты Международному валютному фонду (МВФ) так быстро, как никакая другая страна, задетая кризисом – и этим снова разжигала угли веры в восточноазиатскую успешную модель – однако глобальный кризис 2008 года показывает, что система на Дальнем Востоке конфронтирует почти с идентичными проблемами, как другие индустриальные государства. Это повторение истории можно толковать двояко: либо существует специфическая восточноазиатская модель, которая должна вот-вот вылупиться из яйца, а кризисы есть частью процесса проб и ошибок (trial-and-error). Или же: никакой восточноазиатской модели не существует, уж во всяком случае – никакой успешной модели, но Южная Корея и Япония имеют специфические предпосылки, которые – в чём-то больше, а в чём-то меньше – могут скрывать потенциал для преемственного развития желаемой связи между государством, рынком и обществом в смысле применимости на практике социал-демократических идей для XXI-го столетия.

Ясно, что представление о некоей восточноазиатской успешной модели есть и остаётся представлением желаемого за действительное. Однако это не означает, что нет возможности учиться друг у друга. Как раз наоборот. Но для этого необходимо точно понять, в чём же заключается общность и в чем состоят различия.

Будущее Восточной Азии – в её прошлом?

Южная Корея оглядывается на традицию концепции сравнительно эгалитарного общества. Правда, общества различных династий, предшествующих современности, были выстроены полностью по принципам социал-дарвинизма, так что даже при наличии институции экзаменов на право стать чиновником⁷ нельзя говорить о равенстве шансов,

4 С помощью всемирно воспринятого тезиса о «столкновении цивилизаций» (Huntington 1993) Хантингтон в результате достиг аналогичного эффекта, как это уже было с его тезисом о модернизации сильного государства, который служил многим авторитарным режимам в 1960-х годах в качестве аргумента для их развивающихся диктатур. (Huntington 1968). Тезис о «столкновении цивилизаций» служит лишь для того, чтобы создать сценарий угрозы, который может в достаточной мере сгенерировать действие рычага, заставляющего собственные общества на Западе вкушать кислое яблоко неолиберальных неизбежностей. Сталкивание лбами рабочих и служащих в разногласиях по поводу трудовых условий и отношений – один из наглядных тому примеров. С другой стороны, аргумент цивилизации предоставил государственным руководителям в Восточной Азии нужный риторический инструмент, чтобы со своей стороны проводить в конечном итоге неолиберальную политику. (сравни: Lee 1997, 21 стр. и дальше.)

5 Термином и понятием «чэболь» (jaebeol; chaebol) в Южной Корее обозначают типичную разновидность крупных концернов, или конгломератов, которые исконно контролировались их семьями-учредителями. С захватом власти Пак Чон Хи (1960), в контексте плановой экономики развития диктатуры, развился так называемый «комплекс чэболь – государство», который следует образцу японских дзайбэцу (zaibatsu), восходящих к эпохе Мэйдзи. В симбиозе «комплекса чэболь – государство» в соответствии с многолетними планами государство задавало для чэболь предварительные показатели, которых чэболь должны были достичь, причём чэболь получали за это масштабные привилегии, лишаясь, однако, не всегда, права решающего голоса. Тем не менее, чэболь удавалось всё больше освобождаться от этого «короткого поводка». Кризис конца 1990-х годов, среди прочего, объясняется коррумпированностью структуры непрозрачных переплетений между различными ветвями отдельных чэболь с политикой.

6 Отдельно необходимо здесь упомянуть, что в Южной Корее ещё перед самым началом кризиса конца 1990-х годов испытывали восторг от высоких показателей роста, в то время как в Японии уже в конце 1980-х годов можно было обнаружить однозначные цифровые показатели. Это явление продолжилось в 1990-е в постоянно замедляющемся экономическом развитии.

но, всё же, можно сказать, по меньшей мере, о некоторой известной открытости шансов. Каждому подданному, кроме рабов и женщин, было доступно принимать участие в испытаниях и таким способом получить в собственные руки возможность своего социального подъёма. Сословного мышления, которое ограничивало бы кому-либо мобильность, не было – пусть даже финансовые барьеры сильно затрудняли простому народу возможность самостоятельно определять свою судьбу.

Аналогично обстоит дело и с идеалом государства, который взращивался столетиями, и подразумевает, что государство (император) несёт ответственность за заботу о благополучии народа. Эта передаваемая из поколения в поколение концепция сильного государства, которое обязано заботиться о благоденствии населения, исчезла из виду вместе с наступлением модернизации, а под царившим в течение десятилетий колониальным господством отступила на задний план. Во времена военной диктатуры эти традиции, поставив их с ног на голову, использовали для поддержки и расширения власти. В этом контексте следует понимать первые рудиментарные и ещё очень ограниченные манифестации признаков государства всеобщего благосостояния (Страхование от несчастных случаев, 1964 год; Страхование по болезни, 1977 год; Пенсионное страхование, 1988 год)⁸. В этой связи следует также видеть и другое, позитивное отношение к сильному государству. Если необходимо стремиться к идеалу заботящегося о своих гражданах государства, то большое, могучее государство ни в коем случае не кажется абсурдным – не говоря уже о том, чтобы его отвергать. Поэтому провозглашаемая «необходимость военной диктатуры», которая в те времена оправдывалась необходимостью преодоления нищеты в стране, и сегодня остаётся всё ещё спорным вопросом. Людей мотивировали необходимостью ожидания пирога, пока он вырастал якобы для справедливого распределения. Логика вынужденной необходимости этого пирога

благоденствия могла перевариваться до кризиса 1997/98 также и только потому, что после доктрины развивающейся диктатуры сразу же последовала неолиберальная логика «нет другой альтернативы» (TINA = there is no alternative) (мирового) рыночного фундаментализма.⁹

С достижением относительного благосостояния в международном сравнении, или вследствие того факта, что, не смотря на расцвет экономики, всё больше людей в Южной Корее беднели, то есть, иными словами, с получением результата, противоположного свято обещанному благоденствию, был достигнут предел для тактики постоянного обнадёживания. То, что люди иногда десятками тысяч выходили на улицы, чтобы демонстрировать за свои права, хотя их ждали всегда во много раз большие полицейские отряды, объясняется также выросшими самосознанием и внутренним пониманием необходимости требовать общепризнанные социальные права также и политическими методами. То есть, к государству предъявляется требование заботиться о социальной справедливости. Тем самым осуществляется разрыв с обычаем, возникшим из концепции развивающейся диктатуры, переваливать значительнейшую часть забот о благосостоянии, образовании и т.д. на частную сферу, – а, значит, на самих себя.

И, наконец, есть традиция солидарно-общественных ценностей и практик, типичных для стран Азии, построенных на аграрно-хозяйственных основах. Вследствие разнообразных религиозных и морально-философских влияний спаянность и взаимная помощь в сельской общине, а также среди дальних родственников не просто сами по себе важны для людей, но тесная связь между людьми начинается для них с уважения самых старых, то есть, более мудрых, что может распространяться на старших братьев и сестёр, родителей, дедушек и бабушек, сельских старейшин, учителей и т.п. Также и эти ценности и практики взяли себе на пользу развивающиеся диктаторы, интегрировав социальный фундамент в свои политические проекты развития, чтобы выдавать их за коллективно-гуманистические и вычерпывать жизненно-энергетические потен-

7 Экзамены на право стать чиновником ввели в Корею впервые в VIII-м веке по образцу аналогичных заведений китайской династии Хань. За счёт того, что каждый человек, независимо от положения и происхождения, мог заявить о своём участии в экзаменах, в случае сдачи которых претендент обеспечивался карьерой государственного служащего и, следовательно, социальным ростом, застывшее аристократическое общество реформировалось и заботилось о формировании относительно эгалитарного сообщества госслужащих, которое сравнительно больше, чем раньше, придавало значения способностям, а не происхождению.

8 Сравни: Kwon 1999 и Mayer 2001.

9 При этом нельзя, конечно, забывать о том, что июньские бои 1987 года представляют весьма важную веху – такую, что тогдашняя диктатура перед лицом сильных требований демократизации широких слоёв общества была вынуждена пойти на выполнение требований. Это в конечном итоге привело, по меньшей мере – формально, к демократизирующей конституционной реформе; поэтому 1987 год в Южной Корее рассматривается в общем, как год поворота к демократизации.

циалы.¹⁰ Движение «Новая деревня»¹¹ при военном диктаторе Пак Чон Хи является показательным примером того – а добровольная акция простых граждан по сдаче золота во время кризиса 1997/98 гг. многое об этом говорит – как сильно до сих пор действует это исконное сельское солидарно-общественное сознание.

В Японии тоже можно обнаружить соотнесённость с критической политической культурой, которая отчётливо характеризуется нормативным притязанием на эгалитарность. Это основано на фундаменте гуманистической традиции конфуцианства, согласно которой «Каждый» может стать «Благородным», если только он приложит к этому достаточные усилия. Введение государственных экзаменов в начале эпохи Мэйдзи (1868), то есть меритократической системы образования, благодаря которой каждому гражданину была открыта возможность взять в свои собственные руки его социоэкономическую судьбу, является выражением этого тезиса.¹²

В Японии после её насильственного открытия для мира американцами в середине XIX-го столетия государство взяло на себя роль приводной силы в процессе индустриализации. В стране были

шокированы и унижены открытостью, санкционированной извне, и захотели побыстрее начать конкурировать с новыми державами и в конечном итоге – обогнать их. Множество новых знаний и технологий было воспринято с Запада, а в области права и институций, прежде всего, из Германии. Идея системы благоденствия тоже попала в их число.¹³ Примечательно, что при этом на переднем плане, однако, стояло укрепление военной конкурентоспособности. Именно военное руководство было той силой, которая в начале XX-го столетия требовала введения политики государства всеобщего благосостояния, чтобы иметь в своём распоряжении достаточно здоровый «человеческий материал» для сохранения и расширения своего господствующего положения в Северо-Восточной Азии.¹⁴ Ещё в 1874 году была введена своего рода поддержка бедных, несколькими годами позже последовали дальнейшие меры социальной безопасности – такие, как государственная защита от неурожая, для служащих и кадровых военных.¹⁵

Конец Второй мировой войны обеспечил важную веху между системой «небесного правителя» (Tenno = «Тэнно» = император) режима Мэйдзи, как гибрида «социального королевства» и конфуцианской идеи господства – и новой демократической парламентской системой, которая, среди прочего, нашла своё выражение в сравнительно прогрессивной новой конституции¹⁶ 1947 года.¹⁷ Однако после того, как закончилось время оккупации американцами, по настоянию которых были введены правила защиты против рисков болезни¹⁸ и возраста, Закон о социальной помощи (1946), страхование по безработице (1947) и позднее также пенсионное и больничное страхование (1961), до середины 1970-х годов продолжался период, пока со значительно более высоки-

10 Сравни: культурно-политический и социоэкономический анализ Kim 1993 и Heide 1997.

11 Движение «Новая деревня» восходит к инициативе тогдашнего военного диктатора Пак Чон Хи, которому в начале 1970-х годов больше чем когда-либо было оказано сопротивление относительно его авторитарной политики. Это проявилось, среди прочего, в так называемой реформе «Юсин» («Реформа обновления государства»), с помощью которой он намеревался обеспечить себе абсолютное и пожизненное господство. Почти одновременно с этим он инициировал систематическую поддержку модернизации сельских коммун, общин и городов – становившихся всё более безлюдными вследствие бегства населения в крупные города – в форме «реально социалистических» программ восстановления, для выполнения которых правительство целыми тоннами предоставляло бетон. Наряду с неоспоримой количественной «модернизацией», качественные успехи которой оставляли желать много лучшего, со временем всё сильнее на передний план выдвигались эксплицитно выраженные политические интересы и их реализация. С последующим интенсивированием развивающейся диктатуры, самое позднее – с начала 1970-х годов – в такой же степени росло всё более усиливающееся движение сопротивления, т.е. демократизации, которое должно было быть парализовано с помощью движения «Новые деревни». Программа была успешно нацелена на то, чтобы добраться до морального чувственного уровня людей через коллективистские, апеллирующие к традиционным семейным фотографиям слоганы и сделать народ более послушно-восприимчивым к проектам модернизации. Между тем, как под копируемые копии движения «Новая деревня», стали своего шлагерами на экспорт для неразвитых регионов азиатских стран.

12 Сравни: Kamppeper 2004.

13 Сравни: Goodman and Peng 1996.

14 Сравни: Anderson 1993.

15 Сравни: Pohl 1988.

16 В Статьях 25 и 27 закреплено право на труд и основные социальные права, что представляет основу её институционализации.

17 При этом нельзя забывать, что после Второй мировой войны, прежде всего, профсоюзы своими митингами протеста и стычками с полицией включились в построение (социального) государства, но, однако, резко подавлялись властями. Сравни в этом плане, например, Hofuku (1984) и Derichs (1998)

18 Ещё в 1922 году законодательно была введена система больничного страхования, но только с 1961 года все граждане подлежат обязательному страхованию.

ми в долевым отношении затратами¹⁹ не была достигнута объявленная цель²⁰ – также и в отношении социальной политики ни в чём не уступать индустриальным государствам²¹. В 1973 году тогдашний премьер-министр Какуэй Танака провозгласил «год Ноль новой эры благоденствия в Японии» (*fukushi gen-en*).²² В период высоких показателей роста вера в демократическую политическую систему была большой, а вместе с заметным улучшением материального благосостояния возрастала также и степень удовлетворённости населения. В это время в японском обществе все были убеждены в равенстве шансов.

Восточная Азия в кризисе

Глобальный финансовый и хозяйственный кризис безжалостно вскрыл главнейшие проблемы южно-корейского и японского обществ. То есть кризис глобального капитализма имеет действие катализатора для Южной Кореи и Японии и больше не допускает вытеснения кризисных феноменов, свойственных всем обществам.

Всё больше людей осознаёт своё реальное социально-экономическое положение, которое является результатом проводимой ошибочной политики. Это, между прочим, видно по тому, как люди в Южной Корее и Японии сами себя оценивают во внутриобщественном социально-экономическом сравнении. Ещё 20 лет назад в обществе было 90 % тех, кто рассматривал себя как принадлежащих к среднему классу²³. Сегодня уже 77 % в Южной Корее и 75 % в Японии считают, что они принадлежат не к среднему, а к низшему слою общества.²⁴ В обоих государствах граждане видят обоснование возрастающей поляризации в экспансии финансового сектора.

В Японии 72% населения указывают, что они оценивают распределение дохода в стране, как очень несправедливое – это почти идентично осознанию проблемы немцами (76%).²⁵ Это означает, что наряду с фактическим социальным упадком²⁶, происхо-

дит, прежде всего, также изменение в сознании людей. В Южной Корее это проявляется дискурсивно в (применяемом для противоборства) понятии «поколения 500 Евро» (*palsibpalmanwonsedae*), в Японии говорят даже о «низшем обществе» (*karyushakai*).

Южная Корея – поколение 500 Евро

В Южной Корее так называемое «поколение 500 Евро» стало центральным понятием дискуссии о будущем общества. Журналист У Сок Хун (U Seok Hun) за полгода до кризиса опубликовал книгу «Поколение 500 Евро» (*Die 500-Euro-Generation*) (2007 г.), намекающую на роман «Поколение 1000 Euro» (2006) Антонио Инкорвая (Antonio Incorvaia) и Алессандро Римасса (Alessandro Rimassa), в котором критически представлено социально-экономическое положение итальянской молодёжи, и дал импульс для начала широкой дискуссии. Книга имеет подзаголовок «Экономика надежды во времена отчаянья» и вскрывает жизненные обстоятельства молодого поколения 20–30-летних, которые вследствие экстремальной социал-дарвинистской системы эксплуатировались старшими поколениями на рынке труда в качестве прекарных низкооплачиваемых рабочих.

В действительности в Южной Корее после кризисов последних десяти лет более половины работающего населения находятся в трудовых отношениях с ограниченным сроком. Прекарные занятые не получают в среднем даже половину от того, что зарабатывают обычные занятые – с тенденцией к снижению. Примерно четверть из числа занятых находится в трудовых отношениях на основе низких тарифов. Долевая часть безработных из числа молодёжи (люди в возрасте от 15 до 29 лет) возросла в прошлом году с 7,4% до 8,5%.²⁷

Не позднее, чем вместе с наступлением Азиатского кризиса 1997/98 гг., многим южнокорейцам стало понятно, что пирог не может быть таким

19 Смотри, например, Lockhart 2001.

20 Введение страхования на случай потребности в уходе состоялось в 2000 г.

21 Сравни: Shinkawa 1990.

22 Сравни: Lee 2006.

23 Опрос проведен администрацией премьер-министра (Япония).

24 Опрос проведен Южно-Корейским еженедельником Maegyeong (1.7.09).

25 Опрос проведен газетой Yomiuri совместно с Би-Би-Си (BBC); цитировано из SERI (2006).

26 Обе страны принадлежат к группе «очень высокий уровень» по Индексу развития человеческого потенциала (HDI) Программы Развития Организации Объединённых Наций (UNDP) для 2007 года (Доклад: 2009). Япония с индексом 0,960 (коэф. Джини = 38,1) – на 10 месте, Южная Корея с индексом 0,937 (коэф. Джини = 31,3) – на 26 месте и Германия – на 22 месте (0,947; коэф. Джини = 27,0).

27 Следует, однако, сделать оговорку, что многие из них, например, просто пребывают в очереди до следующих приёмных экзаменов в университет и поэтому не состоят в трудовых отношениях. Кроме того, цифровые показатели находятся ниже, чем по Японии (9,9 %) или по Германии (10,5 %).

безразмерно большим, чтобы все могли от него что-либо получить. До этого момента метод хорошо функционировал и подпитывался социально политическими мерами. При последнем военном диктаторе Чон Ду Хване после формальной демократизации (1987) в 1989 году для всех было введено больничное страхование, а Президент и лауреат Нобелевской премии мира Ким Де Чжун ввёл в 1998 году поголовное страхование безработных (до этого ограниченное с 1995 года).²⁸ При правлении правительства Но Му Хёна прибавилось и страхование на случай потребности в уходе. Немногие страны мира могут предъявить такие основополагающие институты политики благоденствия.

Хотя эти институты государства всеобщего благосостояния были имплементированы, как реакция на требования общества, они, однако, до сих пор оставались имитирующим имплантантом – так же, как в середине прошлого столетия были введены институты демократии и правовой государственности, но до сегодняшнего дня по настоящему не нашли своего места. Дальнейшие принципиальные дискуссии по этому поводу едва ли могли состояться. В Южной Корее на протяжении десятилетий из-за исторических условий раздела и вытекающей отсюда конкуренции систем препятствовали дебатам о социал-демократических ценностях. Любая прогрессивная политика подавлялась в зародыше как «левая» или «коммунистическая» и, таким образом, как «враждебная государству». Уже со времени после освобождения от колониального господства в период военного правления США и позднее, после корейской войны систематически подавлялись левое крыло и умеренный центр политического и партийного ландшафта – и, тем самым, любые альтернативные потенциалы. Это продолжает сказываться до сегодняшнего дня: в парламенте нет ни одной партии, которая могла бы предъявить серьёзно приемлемую программу с приблизительно социал-демократическим или сравнимым с ним содержанием. Даже прогрессивную Демократическую Рабочую Партию (Democratic Labour Party – DLP), представленную с 2004 года в парламенте горсткой депутатов, нельзя полностью рассматривать, как исключение из правила.

Тем не менее, в период после демократизации Южной Кореи в конце 1980-х годов развилась, по своему содержанию частично социальная, демок-

ратическая политика – тем не менее, она таковой не декларировалась и поэтому не была также признана и обработана, как именно такая. Президент Ким Де Чжун (1998 – 2002 гг.) не только поддерживал неокорпоратистские отношения с триединством работодателей, наёмных работников и правительства, но и стимулировал активно и эксплицитно гражданское общество финансовой поддержкой и непрямым участием в формировании политики. Президент Но Му Хён (2003–2008 гг.) был первым Президентом, который попытался открыто проводить социал-демократическую политику благосостояния, хотя и не под её названием. То, что в конечном итоге этот эксперимент правительств Ким Де Чжуна и Но Му Хёна с выбором Ли Мён Бака в 2007 году закончился, частично объясняется неспособностью гражданского общества использовать свою внезапно появившуюся новую свободу и полномочия для проведения прогрессивных социально-политических политик. В этом контексте объясняется тот факт, что была упущена возможность установить новую политику с политически чётко выраженной направленностью в будущее. В конце 1990-х годов, глядя на ситуацию с материальной стороны, было бы принципиально возможным реально перераспределить что-либо из изобилия; однако этому предшествовало внезапное начало структурного, точнее финансового кризиса. Зато Президент Ли Мён Бак, сам бывшее бедное дитя, пробившееся к успеху в условиях растущей экономики, в своей предвыборной кампании в конце 2007 года смог ещё раз вызвать у избирателей ностальгическую для всех веру в экономическое чудо. Однако сегодня, два года после его избрания, Президент Ли стоит перед экономической и социал-политической грудой обломков – сопротивление общества против его политики несправедливости огромное, и оно растёт.

Япония – «общество низшего слоя»

Также и в Японии, где после Второй мировой войны более трёх десятилетий социоэкономические показатели всё время шли в гору и где царилло сознание, что каждый может принадлежать к среднему слою, если только он прилежно старается, наметился поворот в обратную сторону. В последнее время остаётся всё меньше веры в такое виденье. Вместо этого японскими гражданами легко произносится слово «несправедливый». Сознание несправедливости проистекает из того реального наблюдения, что труд больше

28 Как упомянуто выше, страхование от несчастных случаев было введено в 1966 году, а пенсионное страхование – в 1988 году.

не вознаграждается по личным стараниям, но по результатам.²⁹ Кроме того, социальные слои репродуцируются больше, чем ранее, на основе образовательного статуса родителей, так что вера в проницаемость структуры образования в японском обществе, согласно которой человек находит своё место независимо от происхождения и имущества, а только по своим способностям и собственным усилиям, была подорвана. Эти изменения в сознании привносятся с изменением ценностей. Возникновение постматериальных представлений о ценностях следует здесь признать таким, которое стало базой для – успешных, прежде всего, на коммунальном уровне – социальных движений. Отсюда исходят новые политические импульсы, которые требуют обновления общества.

Из сказанного следует, что после «потерянных десяти лет» рецессии с конца 1990-х годов произошло значительное изменение в сознании, отразившееся в модном термине «низшее общество» (Miura Atsuji, 2006). Так же, как в Южной Корее, молодое поколение занимает центральное место в дебатах о низшем обществе. Социальный подъём молодых людей всё больше преграждается институционально, разочарование из-за этого приводит к чувству бессилия и пессимизма. В особенности резкий переход от относительно уравнилельной системы к аккордной системе в период экономического бума, в которой ценится только конечный результат, является причиной этого шока. Ножницы между бедностью и богатством раскрываются всё шире. По данным японского Министерства социальной политики почти каждый шестой японец живёт за чертой бедности, ровно треть (34%; ОЭСР (OECD)) находится в прекарных трудовых отношениях по контрактам с ограниченным сроком действия.³⁰ По данным Международной организации труда (ILO) в прошлом году 77% безработных в Японии не получили никаких пособий по безработице.³¹ Однако не только на рынке труда, но уже и в сфере образования начинается дискриминация малообеспеченных граждан

дан³² – это стержень «поляризованного общества», о котором в настоящее время идёт речь в Японии.

Совсем недавно ни кто иной, как Ивао Накатани ратовал за изменения в мышлении у японской общественности. Накатани был в начале 2000 одной из ключевых фигур неолиберальной структурной реформы в Японии. Тем шокирующее действует его недавний публичный диагноз глобальному капитализму. По его мнению, растущая поляризация японского общества обосновывается не неудачей рынка, а коренится в имманентной (дефектной) функции глобального капитализма. В своём сегодняшнем бестселлере «Почему развалился капитализм?» (2008) он пишет, что идеология неолиберализма привела к расколу общества и потере экономического потенциала Японии. В этом выдвигаемом им «предложении, как снова поднять Японию на высоту» чётко указывается, что необходим не только новый немедленный разворот, но, прежде всего, на первом месте должны стоять общественная сплочённость (солидарность) и восстановление доверия между людьми.³³ По его мнению, иной альтернативы для Японии не существует.

Недавнюю историческую смену правительства Демократической Партией Японии (DPJ) во главе с лидирующим по числу голосов кандидатом и новым премьер-министром Юкио Хатояма, которая означала полное завершение царящего в течение десятилетий однопартийного доминирования Либерально-демократической партии (LDP) (так называемая система 55), можно расценивать, как выражение этого недовольства.³⁴ В предвыборной кампании речь шла о минимальных зарплатах, пособиях на детей, оплате за школьное образование

29 Сравни: Lee 2006.

30 Даже если необходимо сделать оговорку о том, что, вероятно, некоторые части из них не зависят от этого дохода, так как они обеспечены иными способами.

31 Однако не только на рынке труда, но уже и в сфере образования начинается дискриминация малообеспеченных граждан³² – это стержень «поляризованного общества», о котором в настоящее время идёт речь в Японии.

31 Причина того, что Япония по этим цифрам двигается почти на уровне Китая (84 %) – по данным Международной организации труда (ILO) – объясняется тем, что рабочие, находящиеся во временных и других прекарных трудовых отношениях, которые составляют всё большую часть занятых, выпадают из актуальной сети социальной защиты, так как они вследствие их статуса не могут подавать ходатайство о страховании по безработице.

32 Один из научных анализов Исследовательского института образования при университете Токио показал, что достигнутый академический уровень образования находится в положительно зависимом соотношении с более высоким доходом соответствующего домашнего хозяйства. Это означает, что студенты из финансово бедных семей тенденциозно имеют меньше шансов на высшее образование.

33 Названные здесь солидарно-общественные аспекты живо дискутируются в Японии, например, по проектам альтернативных жизненных сообществ, в которых экспериментируется восстановление традиционных добрососедских общин.

и об аналогичных социальных вопросах, которые активно были поддержаны также и профсоюзами. Хатояма очень ясно даёт понять, где он видит главный недуг, когда публично клеймит американский рыночный фундаментализм США. Новое руководство озабочено разрушительными последствиями для местных общин, которые, например, возникают из приватизации почты, и даже хочет отменить эту приватизацию. Вновь избранное правительство принимает соответственно в свою политику также и импульсы из гражданского общества, вследствие чего в японской политике намечаются проявления к целенаправленному повороту. Как представляется, среди населения начинается в немалой степени царить единство в том, что ввиду возрастающей общественной поляризации государство должно взять на себя активную роль в отношении рынка, чтобы (вос-)создать общественные ценности.

Рынок, государство, гражданское общество: Попытка нового определения

В противоположность такому отчётливому отречению от неолиберализма в Японии ситуация в Южной Корее с её новым правительством и его политической реакцией на робкие эксперименты альтернативной политики предыдущего правительства представляется несколько иной. Обществам обеих стран, однако, в принципе становится всё яснее, что от проблем «поколения 500 Евро» в Южной Корее и «низшего общества» в Японии не отмахнуться и что они требуют неотложного решения. Гражданско-общественные игроки уже давно формулируют эти острые проблемы. С повторяющимися кризисами политикам тоже становится ясно, что больше нельзя пассивно наблюдать, скрестив руки – и даже только из тех соображений, что потом придётся формулировать конкурентоспособную программу для будущей выборной кампании. Приватное хозяйство тоже осознаёт эти проблемы, но оно по причине его привязки к рынку является менее упреждающим, чтобы решать их по сути.

Для государства, рынка и гражданского общества это означает, что необходимо найти новый модус сотрудничества. Долгое время государство и рынок в Восточной Азии отличались специфической и «эффективной» кооперацией. Государс-

тво задавало крупным конгломератам плановые цели, соответственно стимулировало и таким способом через выращивание чэболь раскручивало экономику.³⁵ Крепчение гражданского общества, как выражение неудачи этой традиционной модели кооперации или как отражение недовольства по отношению к ней, является одновременно не только вызовом для преемственной политики, но и шансом для будущего. Как это будет выглядеть конкретно – сказать трудно. Ясно, однако, что общество в дальнейшем больше не будет довольствоваться ролью пластыря для заклеивания неудач рынка или государства. Благосостояние и образование – это те две области, в которых государство в самую первую очередь «успешно» переваливало ответственность на приватную сферу.

В плане взаимоотношения между государством, экономикой и обществом это означает, что теперь требуется «эффективная» кооперация. В этой связи дискутируются различные модели управления (Governance), однако, до тех пор пока меняется только английская звуковая оболочка этого понятия, а дебаты на уровне старо-традиционной кооперации просто перепускаются в русло неокорпоратизма, – мало что изменится. Таким образом, речь должна идти о качественно новых подходах. Приемлемым здесь было бы, например, развитие действительно большой роли гражданского общества, которое в своём предшествующем развитии уже играло решающую роль. Такая концепция могла бы выступать под флагом «деколониализации жизненного мира». Под этим выражением понимается восстановление (оживление) солидарного гражданского общества и сильного предусмотрительного государства, которое вместо одного большого пирога выпекает, собственно говоря, маленькие булочки, но порционирует их для (пере-)распределения преемственно и, тем самым, равномерно. Идея социал-демократической политики может пониматься, грубо говоря, как политика справедливости или, конкретно выражаясь, как политика (пере-)распределения, которая имеет тенденцию ориентации больше на общество или государство, чем на рынок. Как раз в восточноазиатском контексте, в котором концепция государственного обеспечения является традицией, это было бы представимо в форме редуцирования государственности по отношению к возрастанию гражданско-общественного влияния при одновременном большем, то есть качественно ином воздействии государства на рынок.

34 Если, однако, принять во внимание подробности (например, реформированную избирательную систему и т.д.) возникновения результатов выборов, то такой вывод является слегка относительным. Сравни: Köllner 2009.

35 Сравни: Eckert 1993.

Перспектива – доверие, соучастие в управлении, автономия

Не только в Южной Корее, но также и в Японии фактическое обеспечение со стороны государства всеобщего благосостояния никогда не достигало немецкого уровня, что позволяло некоторым аналитикам говорить о дефективном «конфуцианском государстве всеобщего благосостояния».³⁶ Тем не менее, представление пирога благосостояния, который распределяется относительно поровну, уже было и есть всеобщим представлением о цели, даже если меритократические черты тоже отчётливо видны. Исходя из этого, объясняется и блестящая победа демократов в Японии, которые подошли с этими центральными темами к парламентским выборам, а также и дискуссии, обозримые уже на первом плане, с которыми столкнётся теперь правительство Южной Кореи, которое отчётливо показывает реакционно сформированную картину политики и общества. Прежде всего образование является чувствительной темой именно в Восточной Азии. До сих пор южно-корейское общество – его социальный подъём у всех на виду – вынужденно брало на себя большую часть расходов в этой сфере. Однако уже много лет речь идёт о том, чтобы качественно улучшить государственные учреждения образования, чтобы больше не было такой сильной зависимости от дорогого частного образовательного сектора, из-за которого возникло деление общества по уровню образования на два класса. Страхование по безработице, на случай болезни, а также больничное страхование и страхование по уходу за престарелыми – такие же важные темы, как в промышленно развитых государствах.

Эти заботы и требования исходят, прежде всего, из «нового низшего слоя», который по собственной оценке реципиентов составляет не менее 80 % населения, даже если Индекс развития человеческого потенциала (HDI) говорит иное. Таким образом, здесь речь идёт о двух моментах: с одной стороны, необходимо обратиться к социально-психологическому фактору, дающему доверие, душевное равновесие и уверенность людям, которые почти до потери сознания впали в общественный пессимизм. С другой

стороны, речь идёт о конкретной социальной политике, которая может предложить основу для новых перспектив. В отношении задачи партий или их возможностей можно сказать, что потенциал избирателей для партий с убедительными политическими идеями распределения и дальновидности является бесконечно большим. Это показывает не только победа демократов на выборах в Японии, но также и тот факт, что южно-корейское правительство (после грубых реакционно-неолиберальных выпадов в начальный период), по крайней мере, в риторике всё больше и больше настраивается на потребности «простого человека».

Трудовые взаимосвязи в Восточной Азии реализовывались со времён индустриализации в любовном треугольнике отношений между правительством, предприятиями и рабочими. С некоторыми различиями правительства в обеих странах рассматривали предприятия как свою удлинённую экономическую руку, которой задавались строгие целевые показатели и предписания в смысле экономического подъёма, но одновременно с этим предоставлялась полная финансовая и другая поддержка, а также необходимая свобода для достижения предварительно заданных показателей. Вместе с конкретизацией глоболизирующегося неолиберализма эти похожие на спрут руки, однако, всё больше и больше развязывались и, тем самым – по меньшей мере, как это представляется в Японии и Южной Корее – сковывали потенциалы для эгалитарно-распределительных политик. Гражданское общество, которое сначала со всей силой противилось политическому подавлению, противится с тех пор экономическому подавлению неолиберальным режимом. В этом плане на основании концепта учебных процессов 1970-х и 1980-х годов в Японии отошли от силовых методов в решении разногласий между работодателями и наёмными работниками. В Южной Корее оглядываются на несколько иную подоплёку, однако и здесь тоже не только предпринимательская сторона требует модернизации профсоюзов, как предпосылку для «партнёрской» взаимосвязи. Однако, для того чтобы какие-нибудь партнёрские связи в этом щепетильном любовном треугольнике просто не привели бы к продолжению неолиберального проекта другими средствами, роль государства должна быть усилена особенно качественно. Только тогда можно обеспечить, чтобы эффективное взаимоотношение между государством и предприятиями, которое обеспечило экономический подъём, привело к эффективному партнёрству, которое заботится о социальном подъёме.

Сюда относится также дальнейшая консолидация и институционализация политических партий, а также активное привлечение гражданского обще-

36 Например, Jones (1993) и Rieger, а также Leibfried (1999) видят в культурном наследии восточноазиатских государств и западной модели государства всеобщего благосостояния трудно преодолимые противоречия, что, видимо, приводит их эссенциально-культурной оценке. Однако огромные различия убедительнее объясняются таким подходом, как «развивающиеся государства» (developmental states) (сравни: Goodman, White и Won 1998), и могут соизмеряться на основе понятия «новые государства всеобщего благосостояния» (Esping-Andersen 1996).

ства к сопричастности, чтобы преодолеть господствующий в настоящее время кризис партиципации и представительства. В противоположность Западу, в Восточной Азии наблюдается сравнительно слабое развитие гражданского общества в период до индустриализации. Однако тем сильнее было влияние политизированных общественных сфер после этого периода и до сегодняшнего дня. В то время как в Японии уже с 1970-х годов через институционализированные консультативные комиссии (*shingikai*) знали законодательно обоснованный коммутирующий канал связи для активной и эффективной сопричастности общественности в политике и практиковали многие проекты между предприятиями и неправительственными организациями, то в Южной Корее по части качества таких связей, собственно говоря, отстают немного. Однако именно этот факт ещё отчётливее показывает важность существования здесь гражданского общества, прежде всего, в социальной и политической сфере. Новая ориентация гражданско-общественных сил и их влияние должны поэтому в идеальном случае соотноситься, как с хозяйственной, так и с политической сферами. Так как в условиях демократии права человека невозможно сдать на заводской проходной, то для пост-неолиберальной эпохи надо иметь перед глазами цель, больше не размежёвывать экономическую, политическую и социальную составляющие, чтобы не сталкивать их лбами, но иметь возможность с гражданским обществом, как с соединительным элементом, подходить к ним в комплексе.

В противоположность Южной Корее, Япония уже по причине намного более длительной традиции социал-демократической политики или, по меньшей мере, политики государства всеобщего благосостояния, показывает соответствующее опережение. Административно-хозяйственный персонал японской экономики смог, иначе, чем административно-хозяйственный персонал южно-корейской экономики, принять превентивные меры, прежде чем глобализация неолиберализма создала предпосылки к конвергенции связанных с этим структурных проблем и поставила все индустриальные державы перед лицом сходных проблем. Также и соучастие гражданского общества в управлении локальной и коммунальной политикой развилось в Японии дальше, чем в Южной Корее.³⁷ То же самое касается и реализации корпоративной социальной ответственности предпринимателей (*Corporate Social Responsibility, CSR*). В этом отношении не удивляет также решение большинства японских граждан на прошедших парламентских выборах, которые проголосовали за чёткий поворот к справедливой образовательной политике, дальнейшему развитию пенсионной и

здравоохранительной политики, к политике государства всеобщего благосостояния, а также к усилению местной автономии.

В Южной Корее после без малого двух лет неолиберально-реакционной политики нового правительства Ли Мён Бака намечаются региональные и коммунальные выборы. Независимо от исхода выборов, в Южной Корее существует неотложная необходимость подвести гражданское общество ближе к принятию решений в политике. Это означает, с одной стороны, что необходимы институциональные изменения, которые обеспечат законодательные и инфраструктурные предпосылки для улучшенных возможностей партиципации. Одновременно с этим требуется дальнейшее политическое образование граждан, которое также обеспечивает им необходимую интеллектуальную автономию. Это значит, например, что децентрализация политических институций, которая в течение десятилетий отодвигалась диктаторами и только в середине 1990-х годов снова робко начала проводиться в жизнь,³⁸ должна быть трансформирована в фактическую автономизацию регионов и коммун. Даже если в Японии это всё ещё остаётся важной темой, то в Южной Корее она и дальше продолжает отставать. До сих пор «новая свобода» по отношению к центральному правительству в большинстве случаев выражалась в том, что в межрегиональных конкурентных состязаниях предпринимались попытки привлечения больших международных мероприятий. И не без взаимосвязи с этим можно увидеть, что реализация рудиментарно введенных непосредственно демократических инструментов застревает уже в самом начале. Очень важным аспектом для подготовки гражданского общества, намного сильнее принимающего участие в принятии решений, является необходимое политическое образование, чтобы граждане освободились от их одноразмерной и пассивной «функции политбарометров». Только тогда, когда к этим аспектам, которые могут кому-то показаться на первый взгляд само собой разумеющимися, приступят одновременно и серьёзно, идея равноправной кооперации между рынком, государством и обществом сможет получить фундамент и разрабатываться реалистично.

Таким образом, Япония и Южная Корея конфронтируют с очень схожими вопросами и проблемами. Переюстирование взаимоотношения между госу-

37 То, что и здесь всё ещё превалирует потребность в улучшении, подтверждает, например, недавнее исследование проф. Фольянты-Йост (*Foljanty-Jost (2009)*).

38 Сравни: Ahn 2005.

дарством, рынком и (гражданским) обществом является в обеих странах существенной предпосылкой для того, чтобы в будущем обеспечить преимущественную социальную и демократическую политику.

Литература

Ahn, Chung-Si (2005): *National Democracy and Local Governance: Appraising a Decade of Local Democracy in South Korea*. In: Ahn, Chung-Si (Ed.). *New development in local democracy and decentralization in East Asia: Korea in comparative perspective*. Seoul, Korea: Seoul National University Press.

Anderson, Setphan J. (1993): *Welfare Policy and Politics in Japan – Beyond the Developmental State*. New York: Paragon House.

Derichs, Claudia (1998): *Soziale Bewegungen in Japan der Nachkriegszeit*. In: Derichs, Claudia und Anja Osiander (Hrsg.). *Soziale Bewegungen in Japan*. Hamburg: Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens e. V. Hamburg.

DeWit, Andrew (2009): *»Change« comes to Japan?* Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung. Internationale Politikanalyse.

Eckert, Carter J. (1993): *The South Korean Bourgeoisie: A Class in search of Hegemony*. In: Koo, Hagen (Ed.). *State and Society in Contemporary Korea*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Esping-Andersen, Gosta (Hrsg.) (1996): *Welfare States in Transition. National Adaptions in Global Economies*. London, Thousand Oaks: Sage.

Goodman, Roger; White, Gordon und Kwon, Huck-Ju (Hrsg.) (1998): *The East Asian Welfare Model – Welfare Orientalism and the State*. London, New York: Routledge.

Goodman, Roger; Peng, Ito (1996): *The Asian Welfare States Peripatetic Learning, Adaptive Change and Nation-Building*. In: Esping-Andersen, Gøsta (Hg.). *Welfare State in Transition*. London: Sage Publications.

Heide, Holger (1997): *Die Erzeugung individueller und kollektiver Überlebensstrategien als Voraussetzung für kapitalistische Entwicklung. Das Beispiel Südkorea. Arbeitspapiere zur sozioökonomischen Ost-Asien-Forschung. Nr. 4. SEARI*.

Heide, Holger (1997a): *Soziale Implikationen der erfolgreichen Strategie der Weltmarktintegration Südkorea. Arbeitspapiere zur sozioökonomischen Ost-Asien-Forschung. Nr. 1. SEARI*.

Hofuku, Noriko (1984): *Arbeiterbewegung in Japan. Aufschwung und Krise in der Nachkriegsperiode 1945–1952*. Marburg: Verlag Arbeiterbewegung und Gesellschaftswissenschaft GmbH.

Horth, Sven E. O. und Kuhnle, Stein (2000): *The coming of East and South-East Asian welfare states*. *Journal of European Social Policy* 10: 162–184.

Jones, Catherine (1993): *The Pacific Challenge*. In: Jones, Catherine (Hrsg.). *New Perspectives on the Welfare State in Europe*. London: Routledge.

Köllner, Patrick (2009): *Erdrutschsieg der Opposition in Japan: Hintergründe und Perspektiven*. GIGA Focus Asien Nr. 10.

Foljanty-Jost, Gesine (2009): *Partnerschaft als Leitmotiv kommunaler Politik: Ressource für lokale Demokratie? Zivilgesellschaft und lokale Demokratie: Arbeitspapiere des Instituts für Politikwissenschaft und Japanologie*. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.

Kampeter, Werner (2004): *Soziale Demokratie in Japan: Vorbild für Deutschland?* Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, Internationale Politikanalyse.

Kim, Uchang (1993): *The Agony of Cultural Construction: Politics and Culture in Modern Korea*. In: Koo, Hagen (Ed.). *State and Society in Contemporary Korea*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Kulesa, Steffi (2001): *Konfuzianismus – Entwicklungshindernis oder Entwicklungsmotor. Arbeitspapiere zur sozioökonomischen Ost-Asien-Forschung. Nr. 9. SEARI*.

Kwon, Soonman (1999): *Wirtschaftskrise und Soziale Entwicklungen in Südkorea*. Korea Forum.

Lee, Eun-Jeung (1997): *Konfuzianismus und Kapitalismus. Markt und Herrschaft in Ostasien*. Münster: Westfälisches Dampfboot.

Lee, Eun-Jeung (2006): *Japan: Verkannte Soziale Demokratie?*. In: Meyer, Thomas. *Praxis der sozialen Demokratie*. Wiesbaden: VS, 374–440.

Leisering, Lutz (2003): *Die Entstehung »Neuer Wohlfahrtsstaaten« in Ostasien – Stichworte aus der neueren soziologischen Debatte mit perspektivischen*.

Anwendungen auf Behindertenpolitik in Asien. In: Bernd von Maydell, Rainer Pitschas und Bernd Schulte (Hrsg.). *Behinderung in Asien und Europa im Politik- und Rechtsvergleich. Mit einem Beitrag zu den USA*. Baden-Baden: Nomos.

Lockhart, Charles (2001): *Protecting the Elderly: How Culture shapes Social Policy*. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press.

Mayer, Peter (2001): *Südkoreas erfolgreiches Sozialversicherungssystem. der überblick – Zeitschrift für ökumenische Begegnung und internationale Zusammenarbeit 01/2001 (FES)*.

Miura, Atsui (2006): *Unterschichtsgesellschaft (haryu sahoi)*. Seoul: Paperhouse. (in koreanischer Übersetzung).

Nakatani, Iwao (2008): *Warum ist der Kapitalismus zusammengebrochen? (jabonjueuineun wae muneojeoneunga)*. Seoul: Giparang. (in koreanischer Übersetzung).

Pohl, Manfred (1988): *Die Systeme sozialer Sicherung in Japan und der Bundesrepublik Deutschland: Versuch eines wertenden Vergleichs*. In: Pohl, Manfred (Hrsg.). *Japan 1987/88. Politik und Wirtschaft*. Hamburg: Institut für Asienkunde.

Rieger, Elmar und Leibfried, Stephan (1999): *Wohlfahrtsstaat und Sozialpolitik in Ostasien. Der Einfluß von Religion im Kulturvergleich*. In: Gert Schmidt und Rainer Trinczek (Hrsg.). *Globalisierung. Ökonomische und soziale Herausforderungen am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts. Soziale Welt Sonderband 13*. Baden-Baden: Nomos.

Schulz, Martin (2009): *Country Analyses: Japan after the Crisis – From Recession to Permanent Decline?* Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, International Policy Analyses.

Shinkawa, Toshimitsu (1990): *Politische Ökonomie von der Wohlfahrt nach japanischer Art (ilbonsaioibokjieu jeongchigyeongjahak)*. Seoul: Hongikjae. (in koreanischer Übersetzung).

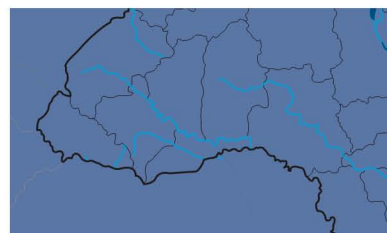
SERI (2006): *Staatsgebiet- und Wohnungspolitik in Zeiten alternder Gesellschaft von Japan lernen (ilboneseo baeuneun goryeonghwa sidaeeui gugto-jtaek jeongchaek)*. Seoul SERI. (Koreanisch).

U, Seok Hun (2007): *Die 500-Euro-Generation (palsibpalman-wonsedae)*. Seoul: Redian. (Koreanisch) Walker, Alan und Wong, Chack-kie (Hrsg.) (2005): *East Asian welfare regimes in transition: from Confucianism to globalization*. Bristol, UK: Policy Press.

Walker, Alan und Wong, Chack-kie (Hrsg.) (2005): *East Asian welfare regimes in transition: from Confucianism to globalization*. Bristol, UK: Policy Press.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Авторы:

Лоран Баумель – заместитель международного секретаря Социалистической партии Франции.

Тибор Дешеффи – президент фонда DEMOS (Венгрия), доцент социологии Университета имени Этвеша Лоранда (Будапешт).

Габор Гиори – старший научный сотрудник фонда DEMOS (Венгрия).

Анке Гассель – профессор политических наук Школы управления Херти (Берлин), приглашённый старший научный сотрудник Европейского университета, Лондонской школы экономики и политических исследований.

Ханнес В. Мослер – аспирант Сеульского национального университета (Южная Корея), научный сотрудник Института корейских исследований при Свободном университете Берлина.

Карлос Мулас-Гранадос – исполнительный директор фонда IDEAS (Испания).

Кристоф Польманн – политический аналитик Фонда им. Фридриха Эберта (Берлин).

Лена Зоммештад – профессор истории экономики Упсальского университета (Швеция), бывший министр окружающей среды.

Марк Уикхем-Джонс – профессор политических наук Бристольского Университета (Великобритания).

Фонд им. Фридриха Эберта
Представительство в Украине

ул. Пушкинская, 34,
01004, Киев,
Украина
тел.: 044-234-00-38
факс: 044-451-40-31
mail.fes.kiev.ua
www.fes.kiev.ua

**Все тексты доступны на
веб-странице:
www.fes.kiev.ua**

Взгляды, изложенные в данной публикации, не обязательно отображают взгляды Фонда им. Фридриха Эберта или организации, где работает автор.